Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

СУДЪ

надъ брянскими рабочими

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

РѢЧЕЙ ЗАЩИТНИКОВЪ.

Изданіе Союза русскихъ соціальдемократовъ.

Цѣна 40 сант.

ЖЕНЕВА.

Типографія „Союза“: Genève, route de la Cluse, № 7.

1901.

СУДЪ НАДЪ БРЯНСКИМИ РАБОЧИМИ.

I.

Въ первомъ номерѣ „Раб. Дѣла“ сообщалось о безпорядкахъ, происходившихъ на брянскомъ заводѣ (въ Екатеринославѣ) въ маѣ 1898 г. Какъ тамъ упоминалось, по этому поводу было арестовано 1.200 чел., изъ которыхъ 500 были тотчасъ высланы на родину.

Въ настоящее время состоялось уже разбирательство дѣла объ этихъ безпорядкахъ и мы, пользуясь матеріаломъ процесса, подробно остановимся на этомъ характерномъ и интереснomъ дѣлѣ.

Слушалось оно судебной палатой при участіи сословныхъ представителей, какъ всѣ „рабочіе процессы“ послѣдняго времени. Подсудимыхъ по дѣлу было 73 чел., изъ которыхъ 34 содержались все время до суда въ предварительномъ заключеніи и были поэтому приведены на судъ подъ конвоемъ.

Со стороны рабочихъ выступило 9 защитниковъ, въ числѣ которыхъ были извѣстные русскіе адвокаты: А. М. Александровъ, В. А. Маклаковъ, Н. К. Муравьевъ, Ѳ. Н. Плевако и др.

Въ изложеніи обвинительнаго акта дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Вечеромъ 29 мая 1898 г., при возвращеніи рабочихъ съ завода, одинъ изъ нихъ—Никита Кутилинъ, проходя около забора, окружающаго брянскій заводъ, оторвалъ доску и хотѣлъ ее унести. Замѣтившіе это сторожа завода — осетины Персіевъ и Кусовъ—погнались за нимъ, и между ними завязалась драка, во время которой Персіевъ нанесъ рабочему Кутилину ударъ въ грудь, отчего послѣдній тотчасъ же умеръ.

„Этого событія было совершенно достаточно, чтобы собралась громадная толпа недовольныхъ рабочихъ, которая, будучи воодушевляема нѣсколькими вожаками, пошла съ криками на брянскій заводъ, начала жечь по дорогѣ сторожевыя будки, ломать и жечь заборъ, окружающій брянскій заводъ, подожгла заводскіе

матеріальные магазины, лабораторію и главную контору, изъ которой похитила деньги въ количествѣ около 5.000 руб. звонкой монетой.

Послѣ этого толпа народа отправилась къ лавкѣ общества потребителей завода, подожгла ее и разграбила, какъ весь находившійся тамъ товаръ, такъ и частное имущество служащихъ при лавкѣ и жившихъ въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщается и лавка; покончивъ съ лавкой, толпа направилась въ поселокъ Новые-Кайдаки, гдѣ разбила и разграбила казенную винную лавку № 1 и еврейскіе дома и лавки въ количествѣ двадцати, а также и еврейскій молитвенный домъ. Убытка отъ этихъ безпорядковъ жителями села Новыхъ-Кайдакъ понесено до 22.000 руб., а брянскимъ (александровскимъ) заводомъ до 150.000 руб."

На мѣсто безпорядковъ, въ помощь властямъ и сторожамъ самого завода, прибыли полицеймейстеръ со всѣмъ штатомъ екатериносл. полиціи. Губернаторъ послалъ также войска, но они прибыли очень поздно, когда безпорядки уже почти улеглись. При столкновеніи съ рабочими нѣкоторые чины полиціи были побиты и „самъ" г. полицеймейстеръ получилъ камнемъ ударъ въ голову.

Изъ всего числа арестованныхъ за эту ночь и послѣдовавшіе затѣмъ дни, были преданы суду, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, 73 челов., въ томъ числѣ одинъ 15-лѣтній мальчикъ.

Всѣ подсудимые обвинялись въ насильственномъ грабежѣ имущества частныхъ лицъ „вслѣдствіе побужденій, какъ гласитъ обвинит. актъ, проистекшихъ изъ племенной вражды къ еврейскому населенію и къ черкесамъ и изъ экономическихъ отношеній къ заводскимъ порядкамъ" и въ оказаніи насильственнаго сопротивленія чинамъ полиціи при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Таково, вкратцѣ, содержаніе обвинительнаго акта.

Не располагая никакими данными со стороны самихъ рабочихъ или мѣстной рабочей организаціи, мы вынуждены дать характеристику этого дѣла лишь на основаніи свидѣтельскихъ показаній.

Убійство рабочаго Кутилина было не причиной, а только поводомъ къ безпорядкамъ. Оно было лишь послѣдней каплей, переполнившей чашу. Безпорядки 29-го мая явились, какъ всегда, лишь взрывомъ давно накопившихся обидъ, раздраженія, дошедшаго до предѣльныхъ размѣровъ.

На Брянскомъ заводѣ работаетъ обыкновенно отъ 5 до 7 тыс. рабочихъ, и размѣры этого завода, по показанію свидѣтелей-инженеровъ, изъ года въ годъ увеличивались.

Пайщиками брянскаго общества состоятъ очень крупные капиталисты и въ числѣ ихъ есть великіе князья.

Свѣдѣнія о доходахъ брянскаго завода у насъ очень неточныя и неполныя, потому что источникомъ этихъ свѣдѣній служатъ

отрывочныя показанія инженеровъ на судѣ. По показанію свидѣтеля, инженера Коха, заводъ имѣлъ оборотъ въ 20 милліоновъ и получалъ чистаго дохода ежегодно около 800 тыс. р. Эта цифра, конечно, далеко ниже дѣйствительной. Но ослибъ мы даже знали точную цифру чистаго дохода брянскаго завода, мы далеко не имѣли бы еще полнаго представленія о всей прибыли, которую капиталисты наживаютъ на трудѣ брянскихъ рабочихъ. Вѣдь къ чистому доходу общества не причисляются тѣ проценты, которые общество выплачиваетъ разнымъ кредиторамъ-банкирамъ, налоги и тому под. суммы, которыя всѣ выколачиваются изъ труда тѣхъ же брянск. рабочихъ.

Каково же экономическое положеніе тысячъ брянск. рабочихъ, закабаленныхъ милліонерами и великими князями?

Когда на судѣ выяснилось, что законъ 2-го іюня 1897 г. не примѣнялся на заводѣ, инженеръ Вноровскій, въ оправданіе администраціи, ссылался на то, что законъ не примѣнялся по добровольному соглашенію съ рабочими. Рабочіе отказывались отъ введенія 3-хъ смѣнъ и отъ 4-хъ суточнаго отдыха въ мѣсяцъ, установленныхъ для работъ, производящихся безъ перерывовъ (при доменныхъ печахъ). Удивительное казалось бы трудолюбіе у этихъ рабочихъ!

Но дѣло не покажется намъ особенно удивительнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что администрація не согласилась измѣнить расцѣнокъ при сокращеніи рабочаго времени, и если примемъ во вниманіе, каковы были размѣры этихъ расцѣнковъ.

Поденная плата на заводѣ, по показаніямъ инженера Коха, равнялась въ среднемъ 70 коп., „а если рабочій молодой—40, 50 коп. при 12 часахъ работы.“ И изъ этого жалкаго заработка рабочій долженъ былъ еще давать взятки мастерамъ, а именно, „за то, чтобы они ставили его на болѣе безопасныя мѣста“ (показаніе одного инжинера)! Заводоуправленіе знало объ этомъ взяточничествѣ и спокойно его терпѣло.

Заработокъ особенно сокращался, благодря „потребительной лавкѣ“ завода. По признанію заводскихъ инженеровъ Дробнаго и Коха, товары въ „потребительной лавкѣ“ продавались дороже, чѣмъ въ частныхъ мелкихъ лавочкахъ. Само собою разумѣется, что рабочіе вынуждены были забирать въ заводской лавкѣ, такъ какъ имъ выдавали жалованье лишь два раза, а то и одинъ разъ въ мѣсяцъ. Словомъ, „потребительная лавка“ только по названію отличалась отъ обычныхъ, запрещенныхъ закономъ, хозяйскихъ лабазовъ, съ помощью которыхъ предприниматель съ прибылью возвращаетъ въ свой карманъ выданную рабочимъ плату. Брянское общество, главный пайщикъ „потреб. лавки“, эксплуатировало рабочихъ и какъ потребителей. Мало того, рѣдкая выдача платы заставляла рабочихъ забирать въ заводской лавкѣ не только для собственнаго потребленія, но и для перепродажи мелкимъ лавоч-

никамъ. При этомъ рабочіе теряли половину, а иногда и больше той суммы, которая записывалась за ними въ заводскихъ книгахъ за полученный ими товаръ. Забирая для перепродажи, рабочіе часто цѣлыми мѣсяцами не получали отъ завода ни гроша наличными деньгами, такъ что они должны были занимать деньги у мелкихъ лавочниковъ, платя имъ, конечно, бѣшеные проценты.

Такъ изъ главнаго гнѣзда—завода эксплуатація переходила въ потребительную лавку, а оттуда развѣтвлялась по всѣмъ мелкимъ лавочкамъ, образуя многоголовое чудовище, сосавшее рабочихъ на каждомъ шагу—и на заводѣ и внѣ его.

Рабочіе по достоинству оцѣнили „благодѣтельное“ значеніе потребительной лавки: она была подожжена почти въ самомъ началѣ безпорядковъ.

Брянскій процессъ нѣсколько освѣтилъ экономическое положеніе брянск. рабочихъ, онъ обнаружилъ, въ какой безысходной нуждѣ прозябаютъ эти люди, создающіе дивиденды капиталистовъ. Инжен. Вноровскій, помощникъ управляющаго завода, доказывалъ на судѣ, что положеніе брянск. рабочихъ вовсе не было тяжелое: они очевидно были довольны своимъ положеніемъ, потому что спокойствіе на заводѣ, за рѣдкими исключеніями, никогда ничѣмъ не нарушалось, рабочіе никогда открыто не роптали. Словомъ, какъ выразился поэтъ Шевченко: мовчить, бо благоденствуе. Брянскіе безпорядки ясно показали, что скрывалось подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ рабочихъ, сколько у нихъ таилось накипѣвшей злобы. Брянскій же процессъ раскрылъ чудовищную картину тѣхъ россійскихъ порядковъ, которые тяжелымъ камнемъ придавливаютъ эксплуатируемую рабочую массу, опутываютъ ее по рукамъ и по ногамъ сложной паутиной, сплетенной изъ произвола, насилія и беззаконія и тѣмъ обезпечиваютъ общественное спокойствіе. Исключительный интересъ брянскаго процесса заключается именно въ томъ, что онъ раскрылъ во всей наготѣ безмѣрную гражданскую безправность и политическую угнетенность рабочихъ въ Россіи.

Какъ выразился защитникъ Муравьевъ, брянскій заводъ составляетъ своего рода государство въ государствѣ. Онъ имѣетъ собственныхъ полицейскихъ чиновниковъ, приставовъ, городовыхъ и т. д., на что, какъ извѣстно, не имѣетъ права ни одно частное лицо. Почему такая льгота брянскому заводу — объ этомъ догадаться не трудно: тамъ работаютъ отъ 5 до 7 тысячъ рабочихъ, которые, въ минуты, когда уже нѣтъ силъ переносить дольше неимовѣрный гнетъ грубой и жестокой эксплуатаціи, могутъ заявить тѣ или иныя требованія объ улучшеніи своего положенія и стать такимъ образомъ „внутренними врагами“, угрожающими существующему порядку.

Но кромѣ этихъ полицейскихъ служителей, охранявшихъ за-

водъ по всѣмъ законамъ полицейскимъ, заводъ имѣлъ еще человѣкъ 80 сторожей „черкесовъ“,—какъ ихъ общимъ именемъ называли рабочіе,—навербованныхъ изъ разныхъ полудикихъ горныхъ племенъ и частью не умѣвшихъ совершенно объясняться по русски. Администрація завода нанята ихъ, оцѣнивъ въ достаточной степени ихъ преимущества, какъ иноплеменниковъ, чуждыхъ мѣстному населенію. Сторожа изъ мѣстныхъ жителей, конечно, менѣе надежны, чѣмъ полудикіе „черкесы“. Это пріемъ испытанный. Такъ царское правительство, при распредѣленіи рекрутовъ по разнымъ частямъ войскъ, руководствуется всегда правиломъ не оставлять ихъ по мѣсту ихъ призыва. Дѣлается это съ тѣмъ простымъ разсчетомъ, чтобы въ случаяхъ „усмиренія и пресѣченія“ солдаты не отказались стрѣлять въ толпу изъ боязни убить своихъ родныхъ и знакомыхъ. Брянскіе царьки оцѣнили этотъ пріемъ. Къ тому же горцы — народъ боевой, къ оружію и схваткамъ привыкшій, и 80 чел. ихъ не хуже и роты солдатъ. Они были постоянно вооружены, точно часовые при тюрьмѣ.

Черкесы имѣли надлежащія инструкціи отъ администраціи и на этомъ основаніи, что называется, спуску не давали. Они охраняли заводъ, точно крѣпость, со всѣми строгостями крѣпостныхъ порядковъ. Бывали случаи, когда черкесы, по приказанію администраціи, водили рабочихъ по двору завода подъ конвоемъ, съ шашками на-голо, какъ арестантовъ. За нѣсколько лѣтъ до безпорядковъ на заводѣ была даже собственная кутузка! Такъ охранялся заводъ.

Между рабочими и черкесами то и дѣло возникали „недоразумѣнія“, ссоры и драки. Черкесы обращались грубо, дерзко и буйно, и рабочіе ненавидѣли ихъ. Какъ показалъ на судѣ одинъ свидѣтель, Кутилинъ оторвалъ доску только для того, чтобы подразнить черкесовъ. Много разъ рабочіе умоляли администрацію освободить ихъ отъ этихъ грубыхъ дикарей, жаловались на нихъ, но безъ всякаго успѣха: администрація тѣмъ болѣе дорожила черкесами, чѣмъ больше ими были недовольны рабочіе. Ихъ отчасти замѣнили только послѣ безпорядковъ, да и то... казаками да отставными солдатами.

Въ своемъ боевомъ настроеніи черкесы лишь отражали боевое настроеніе всей администраціи завода. Свидѣтель Кохъ показалъ на судѣ, что „за послѣдніе 2 года у рабочихъ, несмотря на всю ихъ грубость развилась „гипетрофія чувствительности“ (болѣзненная чувствительность). На нихъ вліяло нелюбезное или презрительное отношеніе администраціи къ нимъ и чуткость ихъ въ этомъ смыслѣ стала весьма острою“. Когда въ другомъ случаѣ защитникъ Плевако спросилъ его: „Почему вы выразились — неделикатное и презрительное отношеніе къ рабочимъ?“, Кохъ отвѣтилъ: „Рабочіе стали очень чутки и при

всякомъ случаѣ замѣчали отрицательныя стороны обращенія администраціи съ ними". Какъ установлено было во время разбора дѣла, этотъ фактъ, т. е. развившаяся „чуткость" рабочихъ къ обращенію съ ними администраціи, находился въ связи съ появлявшимися на заводѣ время отъ времени „подметными документами", какъ кто-то назвалъ на судѣ прокламаціи Екатеринославскаго Союза.

Каковы же были эти „отрицательныя стороны обращенія администраціи"? Тотъ же горный инженеръ Кохъ кое-что разсказалъ объ этомъ. „Года два-три тому назадъ, показывалъ онъ, я получилъ въ завѣдываніе два цеха и, вступивъ въ исполненіе своихъ обязанностей, нашелъ положеніе вещей ужаснымъ. Рабочіе были сильно распущены, своевольны. Я завелъ желѣзную дисциплину..." „Что вы называете желѣзной дисциплиной?" спросилъ его одинъ изъ защитниковъ. **„Чтобы и дышать нельзя было свободно"**—гордо, съ достоинствомъ отвѣтилъ Кохъ. Рабочіе угрожали убить его, посылали „письма съ угрозами", но онъ не убоялся этого, какъ то полагается настоящимъ геройамъ на войнѣ, и „желѣзная дисциплина" была имъ введена.

Но Кохъ — *„русскій* человѣкъ" и въ своихъ отношеніяхъ къ русскимъ рабочимъ онъ, если вѣрить ему, все же выгодно отличался отъ иностранцевъ, обращавшихся съ рабочими еще хуже. „Иностранцы, сказалъ Кохъ, не понимаютъ духа того живого матеріала, съ которымъ они обращаются. У нихъ весьма сильно презрѣніе къ черной массѣ, которой они командуютъ. Имъ чуждъ духъ и характеръ русскаго человѣка".

Въ желѣзной дисциплинѣ Коха, какъ видите, есть слѣды и патріотизма, и любви къ „черной массѣ". Какъ русскому, ему не „чуждъ духъ и характеръ русскаго человѣка", онъ знаетъ, что „русскому человѣку" хорошо напр. не имѣть возможности „дышать свободно". Представляемъ себѣ послѣ этого, какъ обращались съ рабочими иностранцы,—управляющіе и мастера,—совершенно лишенные патріотизма и любви къ „черной массѣ".

Саксъ, бывшій полицеймейстеръ г. Екатеринослава, котораго навѣрно нельзя заподозрить въ враждебномъ отношеніи къ заводской администраціи, показалъ на предварительномъ слѣдствіи слѣдующее: „Помню, разъ былъ случай, что отмѣтчикъ грубо обращался съ рабочими *и даже билъ ихъ*. Были неудовольствія среди рабочихъ. Я сказалъ директору завода Горяинову, что его слѣдовало бы разсчитать, но Горяиновъ его не разсчиталъ и на мой вопросъ, почему онъ держитъ такого отмѣтчика, онъ мнѣ отвѣтилъ, что „человѣкъ этотъ ему очень полезенъ". Еще бы! Человѣкъ, который бьетъ рабочихъ,—да вѣдь это самый вѣрный защитникъ хозяйскихъ интересовъ!

Самъ Горяиновъ разсказалъ о нѣкоемъ Павлѣ Петровѣ, старшемъ дозорномъ, изъ-за котораго возникли даже разъ безпорядки

на заводѣ, что „онъ былъ не особенно любимъ рабочими“ и что послѣдніе посылали ему, Горяинову, „анонимныя письма съ угрозами убить Петрова, если его не разсчитаютъ“. Угрозъ рабочихъ директоръ, конечно, не испугался и Петрова не разсчиталъ. Петровъ долго держалъ рабочихъ въ страхѣ. Онъ билъ ихъ безпощадно и всегда ходилъ съ нагайкой въ рукахъ. Но въ концѣ концовъ Горяинову все-таки пришлось разстаться со своимъ вѣрнымъ и любимымъ помощникомъ. Какъ было глухо заявлено на судѣ, Петровъ былъ перемѣщенъ Горяиновымъ на другой заводъ „по просьбѣ“ губернатора. Можно плевать на мнѣнія и просьбы рабочихъ, но какъ не уважить „просьбу“ высшаго начальства? Что именно вынудило губернатора вмѣшаться въ это дѣло,—объ этомъ „исторія“ умалчиваетъ.

Упомянутый уже нами Саксъ показалъ также, „что Горяиновъ умѣлъ всегда ладить съ рабочими; онъ лично разсматривалъ ихъ жалобы и *по возможности* удовлетворялъ ихъ“. Самъ Горяиновъ показалъ въ томъ же духѣ, что „жалобы заводоуправленіе всегда разбираетъ и удовлетворяетъ ихъ, если находитъ это *справедливымъ*“.

Итакъ, по „возможности“ и „справедливости“ жалобы рабочихъ удовлетворялись.

Мы уже видѣли, какъ удовлетворены были жалобы рабочихъ на черкесовъ и Петрова. Но на судѣ были еще интересныя показанія объ общей участи жалобъ и просьбъ рабочихъ.

На заводѣ былъ введенъ порядокъ, что просьбы и жалобы рабочихъ разбирались не ближайшимъ начальствомъ, какъ это практиковалось раньше, а главнымъ управленіемъ завода. Рабочіе настаивали на старомъ порядкѣ, находя его болѣе выгоднымъ для себя. Нужно поэтому полагать, что порядокъ былъ измѣненъ именно съ цѣлью еще меньше удовлетворять рабочихъ, чѣмъ то дѣлали отдѣльные управляющіе и завѣдующіе вродѣ Коха и иностранцевъ. И администрація общими силами дѣйствительно перещеголяла отдѣльныхъ начальниковъ въ „справедливомъ удовлетвореніи“ требованій рабочихъ: она ихъ вовсе не удовлетворяла.

„Коллективныя просьбы рабочихъ“, по заявленію одного изъ членовъ администраціи, оставлялись совершенно „безъ вниманія“. Но такъ и царь и Богъ велѣли поступать. Вѣдь „коллективныя просьбы“ (просьбы всѣхъ рабочихъ заразъ), чего бы онѣ ни касались, пахнутъ „крамолой“, это—„дѣйствіе скопомъ“, запрещаемое царскимъ закономъ.

Но не удовлетворялись также и просьбы отдѣльныхъ рабочихъ: „справедливая“ администрація, постоянно занятая дѣлами болѣе важными, „не имѣла времени заниматься разборомъ этихъ просьбъ“. Впрочемъ, такихъ просьбъ было мало. Но не потому, что не на что было жаловаться, а потому, что было *опасно* жа-

ловаться, потому, что жалующійся рабочій рисковалъ потерять мѣсто.

Далѣе, на судѣ выяснилось, что рабочіе лишены были возможности судиться съ заводомъ по дѣламъ о вознагражденіи за несчастные случаи. Суть въ томъ, что судебные иски должны были предъявляться къ „главному управленію“, находящемуся въ Петербургѣ. А по закону судебные иски должны разбираться по мѣсту жительству отвѣтчика. И вотъ брянское общество, уполномочивъ на веденіе судебныхъ дѣлъ „главное управленіе“ въ Петербургѣ, тѣмъ самымъ избавило себя отъ всякой судебной отвѣтственности за несчастные случаи, такъ какъ рабочимъ, понятно, не было никакой возможности судиться въ Петербургѣ.

Между тѣмъ, по показаніямъ самого инжинера Коха, число несчастныхъ случаевъ на брянскомъ заводѣ выходитъ изъ ряда вонъ даже при русскихъ условіяхъ.

„Не было ли еще причинъ къ неудовольствію рабочихъ въ техническихъ условіяхъ?“, спрашиваетъ прокуроръ инженера Коха.

Кохъ.—Да, несчастные случаи. Они сильно вліяли на массу.

Прокуроръ. — Администрація плохо вознаграждала получившихъ увѣчье рабочихъ или не обезпечивала семействъ умершихъ?

Кохъ. — Да. Вознаграждать всѣхъ рабочихъ, получающихъ увѣчье, очень трудно. На заводѣ за послѣднія 15 лѣтъ было minimum 10.000 несчастныхъ случаевъ. У меня лично въ цехахъ имѣется 1500 рабочихъ и за прошлый годъ у меня насчитывается 296 несчастныхъ случаевъ. Если награждать пострадавшихъ такъ, чтобы они были сыты, одѣты, не нуждались, то понадобились бы огромныя суммы—это невозможно для завода“.

Подумайте: на 1500 рабочихъ почти 300 несчастныхъ случаевъ за одинъ годъ! Вѣдь это значитъ, что за какихъ-нибудь 5 лѣтъ всѣ эти 1500 человѣкъ становятся калѣками, большею частью неспособными къ труду и, слѣдовательно, лишенными всякихъ средствъ къ существованію. За 13 лѣтъ не менѣе 10,000 несчастныхъ случаевъ! Десять тысячъ раненыхъ, искалѣченныхъ рабочихъ, среди которыхъ было и очень много убитыхъ, вѣдь это нѣчто невѣроятное, поражающе-ужасное!.. Представьте себѣ городокъ съ населеніемъ въ 6 тысячъ человѣкъ (сколько приблизительно на заводѣ рабочихъ), все населеніе котораго въ теченіе какихъ-нибудь 13 лѣтъ оказалось бы искалѣченнымъ, большей частью неспособнымъ къ труду (мы уже не говорымъ о смертныхъ случаяхъ),—представьте себѣ нѣчто подобное и вы поймете весь ужасъ такого громаднаго числа увѣчій. А вѣдь на заводѣ, по показанію Коха, было не 6,000, а больше 10,000 увѣчій, т. е. народу было искалѣчено куда больше, чѣмъ число рабочихъ, которое числится постоянно на заводѣ. Но и въ этомъ еще не вся правда. По самому выгодному для завода ра-

счету за эти 13 лѣтъ было не 10,000, а по меньшей мѣрѣ 20,000 несчастныхъ случаевъ. На судѣ, по настоянію защиты, были представлены документы, съ неоспоримой ясностью показавшіе, что за одинъ только 1899 годъ было 2836 несчастныхъ случаевъ, т. е. изъ всего числа рабочихъ завода за одинъ только годъ было искалѣчено 40%, почти половина! „Слѣдовательно, въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ,—какъ замѣтилъ въ своей рѣчи защитникъ Н. К. Муаврьевъ, —перекалѣчена вся масса рабочихъ!“ Не въ 10 лѣтъ калѣчится вся масса рабочихъ, какъ это можно вывести изъ показаній Коха, а въ $2^1/_2$ года. Только чума и холера косятъ людей такъ быстро, какъ это успѣвала дѣлать администрація брянскаго завода!

Инженеръ Кохъ старался, конечно, обѣлить администрацію. Заявивъ, что „рабочіе, при несчастныхъ случаяхъ, всегда склонны думать, что администрація виновата въ нихъ“, онъ спѣшитъ опровергнуть этотъ взглядъ:

„Хотя иногда, можетъ быть, происходятъ несчастные случаи вслѣдствіе непринятія достаточныхъ мѣръ предосторожности, но бываютъ случаи, которыхъ невозможно предотвратить, и случается часто, что рабочій пострадаетъ и по собственной своей неосторожности и, наконецъ, бываетъ, что никто не виноватъ—случайность“

Фабриканты и заводчики всегда себя оправдываютъ подобными разсужденіями. „Неосторожность самихъ рабочихъ“ и „случайности“! Но какъ рабочій можетъ быть остороженъ, когда надъ нимъ вѣчно виситъ хозяйскій кнутъ, угроза лишиться заработка, если онъ не будетъ работать быстро, не теряя ни одной минуты, сосредоточивая постоянно свое вниманіе не на себѣ и возможныхъ съ нимъ случаяхъ при работѣ, а на самой работѣ и только на ней! Это гг. фабриканты и инжинеры, обходя фабрику, могутъ быть настолько осторожны, чтобы даже не испачкаться, не то что искалѣчиться. А рабочимъ *не даютъ* быть осторожными. При такой дисциплинѣ, когда и дышать свободно воспрещено, нельзя думать объ огражденіи себя отъ несчастныхъ случаевъ.

И самое важное, большая часть несчастныхъ случаевъ всегда происходитъ отъ недостаточныхъ мѣръ предосторожности, принятіе которыхъ является прямой обязанностью хозяевъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рабочій виновенъ лишь тѣмъ, что онъ — рабочій, что онъ вынужденъ продавать свою рабочую силу, продавать ее при самыхъ рискованныхъ условіяхъ труда.

Да, рабочіе были трижды правы, думая, что во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ виновна администрація. Она была виновна въ нихъ въ самомъ непосредственномъ смыслѣ слова, ибо не можетъ быть и рѣчи о случайностяхъ, когда $^1/_3$ часть рабочихъ калѣчится въ теченіе одного года, когда при 1500 рабочихъ одного лишь цеха не проходитъ дня безъ несчастнаго случая, когда за $2^1/_2$ года калѣчится вся масса рабочихъ. Это возможно только

при полномъ отсутсвіи всякихъ мѣръ предосторожности, при полномъ невниманіи администраціи къ здоровью рабочихъ.

Рабочіе неоднократно обращались къ администраціи съ просьбами ввести обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ. Но администрація нашла, разумѣется, „невозможнымъ“ это сдѣлать. Зачѣмъ увеличивать расходы и уменьшать этимъ свои милліонные доходы, когда „хитрая механика“ — разбирательство судебныхъ исковъ къ обществу въ Петербургѣ—избавляла его отъ всякой закопной отвѣтственности за несчастные случаи, когда, благодаря этой „хитрой механикѣ“, можно было принуждать рабочихъ „соглашаться“ на самыя невыгодныя для нихъ условія вознагражденія, а часто и совсѣмъ не вознаграждать ихъ? *)

Въ самомъ дѣлѣ, за 1899 г. было выдано за увѣчья 23.000 р., т. е. въ среднемъ 7 руб. съ копейками за каждое увѣчье!.. Къ чему же при такой дешевизнѣ рабочей жизни тратить деньги на предохраненіе отъ несчастныхъ случаевъ? Это вѣдь стоило бы куда дороже...

И однако, администрація смѣло утверждала, что рабочіе достаточно вознаграждались въ случаѣ увѣчій, приводя въ доказательство ничтожное количество судебныхъ исковъ со стороны рабочихъ. „Процессовъ съ рабочими за увѣчья, во все время существованія завода, было у насъ не больше восьми“, показалъ во время судебнаго слѣдствія директоръ завода. Передъ судомъ была въ точности выяснена причина этой несоразмѣрности между малымъ количествомъ исковъ рабочихъ и громаднымъ числомъ почти не вознагражденныхъ увѣчій. Калѣка рабочій, семья котораго умираетъ съ голоду, долженъ былъ *поневолѣ* „соглашаться“ на грошевую подачку, ибо у него не было никакой возможности тягаться съ сильнымъ обществомъ по судамъ въ далекой столицѣ... Безпорядки въ ночь на 39 мая были отвѣтомъ, между прочимъ, и на эти „мировыя сдѣлки“, грошами искупавшія физическое уродованіе тысячъ рабочихъ...

II.

Послѣ сказаннаго для всякаго ясно, что убійство Кутилина явилось искрой, попавшей въ пороховой складъ. Цѣлые годы брянскіе рабочіе тянули свою лямку со скрежетомъ зубовнымъ. Когда рабочему, обремеиеиному семьей, не выдавали даже той жалкой платы, которой оплачивался трудъ на заводѣ, онъ поневолѣ

*) Лишь послѣ безпорядковъ заводоуправленіе прибѣгло къ страхованію, вынужденное къ этому именно безпорядками.

вмѣсто денегъ бралъ ненужные ему товары въ потребительской лавкѣ и за полцѣны спускалъ ихъ у мелкаго лавочника. Когда рабочаго безсмѣнно ставили на опасныя мѣста, онъ покорялся, потому что безполезно было толковать, если нечѣмъ подкупить мастера. Когда рабочаго калѣчили машиной, онъ не всегда даже могъ отлеживаться на больничной койкѣ, такъ какъ въ заводской больницѣ не было установленнаго закономъ числа кроватей; при этомъ онъ получалъ во время болѣзни поденную, стало быть, сокращенную плату и не смѣлъ требовать вознагражденія, зная,что его разсчитаютъ немедленно какъ инвалида. Когда болѣе смѣлый изъ рабочихъ рѣшался жаловаться, его отсылали съ жалобой въ такъ называемую „инстанцію справедливости“, которая учреждена была заводомъ въ пасмѣшку надъ рабочими и никакихъ жалобъ не удовлетворяла. Когда рабочіе, опасаясь жаловаться въ одиночку, дѣлали какія-нибудь заявленія сообща, эти заявленія оставались безъ послѣдствій на томъ основаніи, что русскіе законы запрещаютъ „коллективныя просьбы“. Но на законы администрація ссылалась только тогда, когда они были направлены противъ рабочихъ. Когда же они были въ пользу рабочихъ, на нихъ никакого вниманія не обращали, зная, что правительство за это никогда не будетъ въ претензіи. Когда вышелъ законъ 2 іюня, администрація, по словамъ свидѣтеля Коха, послѣ совѣщанія рѣшила этого закона не примѣнять, потому что онъ не выгоденъ. Только послѣ того, какъ по этому поводу появилась прокламація, администрація испугалась и, по словамъ того же свидѣтеля, рѣшила вывѣсить на заводѣ новыя правила, подписавши ихъ заднимъ числомъ.

При такихъ порядкахъ у брянскихъ рабочихъ естественно сложилось сознаніе, что они находятся внѣ закона, что они лишены всѣхъ правъ и всякой возможности защищать свою жизнь отъ безсовѣстной эксплуатаціи „общества“. Они жили, какъ пришибленные.

Когда черкесъ убилъ рабочаго, первый крикъ негодованія, первый вопль о мести вырвался у женщинъ. Небольшая толпа, бывшая свидѣтельницей убійства, думала только о мести и потому она излила свой гнѣвъ на особенно ненавистныхъ рабочимъ учрежденіяхъ. Она пошла громить контору, квартиры служащихъ и потребительную лавку. По по мѣрѣ того, какъ толпа росла, по мѣрѣ того, какъ къ ней присоединялись рабочіе, не бывшіе непосредственными свидѣтелями убійства, безпорядки приняли нѣсколько другой характеръ. Когда полицеймейстеръ, явившійся на мѣсто безпорядковъ, сталъ успокаивать толпу, одинъ изъ рабочихъ, котораго привлекали въ качествѣ зачинщика, ему отвѣчалъ: „Ваше благородіе, уйдите; дайте намъ разгуляться, дайте намъ потѣшиться“. Эти слова замѣчательны; въ нихъ сказалось настроеніе всей толпы. Эти люди, которые привыкли жить недѣли, мѣся-

цы и годы подъ гнетомъ „желѣзной дисциплины“, какъ лишенные правъ каторжники, захотѣли хоть на одинъ день стряхнуть съ себя этотъ гнетъ, хоть на одинъ день разгуляться, пожить на всей своей волѣ. Подъ вліяніемъ этого настроенія толпа, предводимая подростками, разнесла винную лавку и начала громить все на своемъ пути. Когда одну свидѣтельницу на судѣ спросили, признаетъ ли она тѣхъ, которые сидятъ теперь на скамьѣ подсудимыхъ, она отвѣтила: „какъ я могу ихъ узнать теперь, Ваше Превосходительство? Они теперь такіе тихіе, смирные, а *тогда* каждый изъ нихъ мнѣ казался великаномъ въ три сажени ростомъ“. Рабочіе въ тотъ день выросли не только въ глазахъ этой женщины. Цѣлый годъ рабочіе были на положеніи рабовъ, а хозяева обращались съ ними надменно и съ презрѣніемъ. Въ этотъ же день, когда слишкомъ натянутыя струны лопнули, когда чаша терпѣнія рабочихъ переполнилась черезъ край, рабочіе обмѣнялись ролями съ администраціей. Теперь они себя чувствовали хозяевами положенія, а на вчерашнихъ надменныхъ и высокомѣрныхъ инженеровъ и мастеровъ напалъ паническій, животный страхъ. Судя по показанію свидѣтеля Вноровскаго, инженеры метались, какъ угорѣлые, они съежились, сократились; они были жалки въ этотъ моментъ. Даже тотъ самый инженеръ Кохъ, который хвалился на судѣ тѣмъ, что ему удалось укротить своей „желѣзной дисциплиной“ рабочихъ, что онъ умѣлъ своей „строгостью и справедливостью“ обуздывать рабочихъ, признался, что рабочіе доменнаго цеха не присоединились къ безпорядкамъ не благодаря его вліянію. Ихъ удержалъ рабочій, который съ молотомъ въ рукахъ стоялъ у дверей и этимъ остановилъ колебавшихся уже было рабочихъ. Онъ прибавляетъ, что еслибы этого не случилось, то трудно предвидѣть, какое несчастіе обрушилось бы на голову администраціи.

Брянскіе безпорядки показали рабочимъ, какъ велика могла бы быть ихъ сила, еслибъ она была разумно направлена.

На судѣ пытались доказать—и обвиненіе поддерживало этотъ взглядъ, что однимъ изъ мотивовъ безпорядковъ была національная вражда рабочихъ къ евреямъ, выразившаяся въ разгромѣ мелкихъ лавокъ, о которыхъ мы говорили выше.

Взглядъ этотъ опровергается всѣмъ ходомъ безпорядковъ. Хотя въ толпѣ, вообще говоря, несомнѣнно могло существовать враждебное настроеніе противъ еврейскихъ лавочниковъ не только какъ противъ эксплуататоровъ, но и какъ противъ представителей нетерпимой національности,—но въ безпорядкахъ національная вражда не играла никакой роли. Громили не только еврейскія лавки, но и мелкія лавки христіанъ, наряду съ „потребительной лавкой“, заводомъ, казенными и винными лавками.

Обвинительный актъ, ложно выставивъ однимъ изъ мотивовъ безпорядковъ національную вражду, усматриваетъ въ этомъ отяг-

чающее вину обстоятельство. Этого требуетъ царскій законъ, законъ того самого правительства, которое всѣми способами разжигаетъ національную вражду, которое старается натравить народную массу на евреевъ, поляковъ, финляндцевъ, на всѣхъ иновѣрцевъ и инородцевъ, для того чтобы отвести народу глаза отъ его настоящаго врага—самодержавія! Таково ужъ безграничное лицемѣріе царскаго правительства: желая сохранить въ глазахъ Европы репутацію „цивилизованнаго“ правительства, оно усливаетъ наказаніе за безпорядки, имѣющіе причиной національную вражду, хотя оно само прежде всего виновно въ возникновеніи такихъ безпорядковъ, а часто черезъ свою полицію прямо натравляетъ толпу противъ евреевъ. Замѣтимъ кстати, что на судѣ одинъ городовой (онъ ходилъ впереди толпы переодѣтымъ) былъ уличенъ въ попыткѣ отвлечь толпу отъ завода и превратить безпорядки исключительно въ еврейкій погромъ.

Приговоръ суда даетъ лишь слабое понятіе о карахъ, постигшихъ брянскихъ рабочихъ. Если дѣло не дошло до кровавой расправы, то единственно потому, что войска прибыли слишкомъ поздно, когда толпа уже расходилась. За то полиція вмѣстѣ съ прибывшими солдатами усердно принялась за аресты. До утра было арестованно свыше 1500 человѣкъ. Арестовывали всѣхъ, „безъ всякаго разбора“, какъ признался на судѣ одинъ полицейскій. Не видавшіе совершенно безпорядковъ, возвращавшіеся съ ночной работы рабочіе, ихъ жены, дѣти—всѣхъ забирали въ тюрьму. Конечно, вся эта масса людей не могла быть привлечена къ суду. Понемногу большинство арестованныхъ было освобождено, многіе отдѣлались непродолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ, а на скамью подсудимыхъ попало 73 человѣка, въ томъ числѣ одинъ 15-лѣтный мальчикъ и одна женщина.

Изъ освобожденныхъ—*500 человѣкъ были высланы на родину безъ суда.* Эта произвольная мѣра лишила большую часть этихъ рабочихъ заработка и всѣхъ ихъ лишила права свободнаго выбора мѣстожительства, т. е. явилась для нихъ очень тяжелымъ наказаніемъ. Надъ этими 500 рабочими было совершено насиліе, беззаконіе, возмутительное даже съ точки зрѣнія тѣхъ ничтожныхъ правъ, какіе царскій законъ предостовляетъ всѣмъ русскимъ подданнымъ. Уже десятки лѣтъ приговоры „административнымъ порядкомъ“, *безъ суда* чинятъ жестокую расправу надъ тысячами ежегодно. И все чаще и чаще рабочіе сотнями высылаются изъ мѣста жительства, обрекаются на голодъ безъ всякаго суда, незаконно. Но царское правительство не считается даже со своими законами, когда ему нужно защищать фабрикантовъ или охранять свою безопасность. „Въ Россіи нѣтъ закона“: самодержавный строй уничтожаетъ возможность всякой законности, его отличительная черта—беззаконіе и произволъ. Наиболѣе же рѣзко и на-

иболѣе часто этотъ произволъ обрушивается на рабочихъ и вообще такъ называемые „низшіе классы“.

На скамью поодсудимыхъ попало, какъ сказано, 73 человѣка. Почему именно они явились козлами отпущенія? на какомъ основаніи предварительное слѣдствіе именно ихъ выдѣлило изъ многотысячной толпы? Слѣдствіе у насъ ведется вообще самымъ варварскимъ образомъ, слѣдователь смотритъ на обвиняемаго уже какъ на виновнаго. Тѣмъ менѣе можно ожидать сколько-нибудь правильнаго и безпристрастнаго слѣдствія въ такомъ массовомъ дѣлѣ, какъ брянское. Вотъ нѣкоторые установленные на судѣ факты, показывающіе, какъ велось слѣдствіе по этому дѣлу. Когда въ камеру слѣдователя вводили арестованныхъ рабочихъ, то свидѣтели указывали подрядъ на всѣхъ какъ на участниковъ грабежа, что вполнѣ естественно. Трудно было отличить въ толпѣ отдѣльныхъ людей: бушевала вся толпа. Но поголовное обвиненіе всѣхъ въ грабежѣ уничтожило бы его значеніе по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, ибо вся толпа не могла быть привлечена къ отвѣтственности и *нужно* было обвинить только нѣкоторыхъ. Поэтому прокуроръ предупредилъ свидѣтелей укзывать „осторожно“, не на всѣхъ. „Тогда никто больше ни на кого рѣшительно не указалъ“ и „уличенными“ оказались тѣ, кто, по несчастью, попали первыми въ камеру слѣдователя!

Вотъ другой фактъ. Многіе изъ подсудимыхъ обвинялись только на томъ основаніи, что при обыскѣ у нихъ найдены были тѣ или другіе предметы первой необходимости, какъ хлѣбъ, сахаръ, чай. Одинъ изъ подсудимыхъ, почти единственный голосъ, раздавшійся съ ихъ скамьи за все время процесса, показалъ, „что у него произвели обыскъ *спустя 18 дней послѣ безпорядковъ*“ и что у него нашли хлѣбъ, чай, сахаръ и забрали сто“, обосновавъ на этихъ уликахъ обвиненіе въ участіи его въ „грабежѣ“!

Мы знаемъ случаи, когда рабочіе административнымъ порядкомъ осуждаются какъ политическіе преступники въ виду найденныхъ у нихъ *легальныхъ* книгъ, разрѣшенныхъ цензурою, но кажущихся жандармамъ слишкомъ серьезными, не соотвѣтствующими общественному положенію рабочихъ. Но найденный у рабочаго кусокъ хлѣба или четвертка чаю, за которые онъ заплатилъ фабриканту своимъ потомъ и кровью, — чтобы *это* послужило уликой противъ него въ „грабежѣ“—это, кажется, первый въ своемъ родѣ случай...

Впрочемъ, быть можетъ, слѣдователь настолько ознакомился съ положеніемъ рабочихъ на заводѣ, что для него дѣйствительно могло стать подозрительнымъ присутствіе у одного изъ нихъ куска хлѣба или фунта сахару...

Такъ стряпались обвиненія противъ рабочихъ.

Предварительное слѣдствіе тянулось полтора года. 38 изъ

подсудимыхъ, какъ сказано, сидѣли въ тюрьмѣ всѣ эти полтора года и были приведены въ залу суда подъ конвоемъ.

Но вотъ, наконецъ, судъ. Странное дѣло! Скамья подсудимыхъ занята нѣсколькими десятками людей въ арестантскомъ платьи, которыхъ охраняетъ многочисленный конвой. Почему же не говорится на судѣ о злодѣяніяхъ этихъ людей, почему не разсказываютъ объ ихъ порочной жизни? Изо дня въ день, одинъ свидѣтель за другимъ—всѣ говорятъ дѣйствительно объ ужасахъ, безобразіяхъ, злодѣяніяхъ. Но тутъ все говорится о преступленіяхъ, совершенныхъ не обвиняемыми, одѣтыми теперь въ сѣрые арестантскіе халаты, а о преступленіяхъ, которыя по отношенію къ обвиняемымъ—совершали разные инженеры, управляющіе, полицейскіе, и эти настоящіе преступники, одѣтые въ мундиры либо въ черные суртюки, съ орденами въ петличкахъ,—они никѣмъ не охраняются и фигурируютъ на судѣ лишь въ качествѣ свидѣтелей. почетныхъ свидѣтелей ихъ собственныхъ злодѣяній и беззаконій... Какая странная комедія?

Къ подсудимымъ предъявляются денежные иски за „грабежъ“ имущества. Но странно! Оказывается, что эти истцы большей частью неоднократно сидѣли уже на скамьѣ подсудимыхъ, сами судились за какія-то преступленія! И что еще болѣе странно, каждый разъ, когда хотятъ установить виновность того или иного изъ подсудимыхъ рабочихъ, свидѣтели путаются, противорѣча себѣ и другимъ, сбиваются въ своихъ показаніяхъ и никто не можетъ установить виновности почти ни одного изъ нихъ, „Какъ зовутъ того, кого вы видѣли?“ спрашиваютъ свидѣтеля. Онъ называетъ фамилію. „Укажите его?“ Онъ обращается къ скамьѣ подсудимыхъ, ищетъ глазами и находитъ... всегда не того, кого онъ назвалъ.

И опять-таки странно! На скамьѣ подсудимыхъ сидятъ работники, долгіе годы работавшіе на заводѣ. Почему о нихъ не показываетъ ни одинъ изъ ихъ товарищей, рабочій же, и почему они сами сидятъ такъ молчаливо, ни разу не допрашиваемые? Говорятъ и показываютъ только ра ные управляющіе и ихъ помощники, всѣ свидѣтели почти на подборъ въ этомъ отношеніи.

Но вотъ опросъ свидѣтелей оконченъ. Тов. прокурора начинаетъ свою обвинительную рѣчь заявленіемъ, что „суду вообще не предстоитъ разрѣшать самаго важнаго экономическаго вопроса — кто виноватъ въ спорѣ между трудомъ и капиталомъ“ А между тѣмъ этотъ вопросъ, по его же признанію, „тяготѣетъ надъ этимъ дѣломъ“! Что же суду предстояло рѣшить? „По скольку *экономическій мотивъ* преступленія входитъ въ составъ преступленія“. Иначе говоря, поскольку безпорядки, въ виду ихъ „экономическаго мотива“, явились нарушеніемъ „государственной и общественной безопасности“, поскольку эти безпорядки въ виду ихъ „экономическаго мотива“ явились наруше-

ніемъ „экономической политики“ правительства, а потому — поскольку „экономическій мотивъ“ отягощаетъ вину подсудимыхъ и долженъ усилить наказаніе.

Само собою ясно, что подъ „экономическимъ мотивомъ“ безпорядковъ тов. прокурора разумѣетъ озлобленіе рабочихъ противъ заводскихъ порядковъ.

Но какъ же это? Судебное слѣдствіе и судъ обнаружили, что рабочихъ грабили, что ихъ держали на положеніи арестантовъ, что въ примѣненіи къ нимъ нарушались даже царскіе законы; что все это подготовило безпорядки, постепенно озлобляя рабочихъ, что изо дня въ день заводоуправленіе толкало рабочихъ на безпорядки—и это должно служить не смягчающимъ, а отягочающимъ вину обстоятельствомъ! Значитъ, если рабочіе при самыхъ лучшихъ условіяхъ труда, безъ всякаго повода со стороны заводоуправленія, вдругъ, здорово живешь, пошли бы громить и жечь толпой заводъ, тогда можно было бы говорить о снисхожденіи къ рабочимъ, о смягченіи наказанія? Но вѣдь это противорѣчитъ самымъ обычнымъ представленіямъ о судѣ, о значеніи такъ называемыхъ подготовительныхъ обстоятельствъ преступленія, противорѣчитъ, наконецъ, всей практикѣ нашихъ судовъ! Что сказалъ бы тотъ же тов. прокурора, еслибы другой коллега его требовалъ *усиленія наказанія* за убійство въ виду того, что это убійство совершено въ состояніи раздраженія и озлобленія, вызваннаго годами, десятками лѣтъ мучительства и обирательства, систематически совершавшихся убитымъ надъ убійцей?..

Что же за странности, какія такія особыя условія тяготѣютъ надъ этимъ процессомъ? Въ рѣчи товарища прокурора мы находимъ разъясненіе этого. „Экономическій мотивъ“ характеризуетъ данное дѣло, т. е. дѣло возникло на почвѣ борьбы труда съ капиталомъ, и въ этомъ причина всѣхъ странностей, всѣхъ безобразій, всѣхъ беззаконій этого дѣла.

Тов. прокурора толкуетъ судьямъ смыслъ процесса въ слѣдующихъ словахъ:

„Никакое государство, никакое общество, интересы коихъ солидарны, не могутъ идти по пути прогресса, не могутъ развивать своихъ культурныхъ силъ и средствъ въ той или другой области полезной человѣческой дѣятельности и труда безъ необходимаго спокойствія“. „Путь прогресса“ — это путь образованія капиталовъ при возможно болѣе безпощадной эксплуатаціи и обѣдненіи народныхъ массъ. Таковъ интересъ капиталистовъ, и „экономическая политика“ правительства заключается въ томъ, чтобы обезпечить спокойное шествіе капитала по этому пути, т. е. спокойную эксплуатацію рабочей массы, полнаго ея подчиненія капиталистамъ. Въ этомъ интересы „государства“ и „общества“,—читай: правительства и капиталистовъ—вполнѣ солидарны. Возмущеніе рабочихъ массъ одинаково опасно для правитель-

ства и капиталистовъ: для капиталистовъ въ виду уступокъ, которыя имъ приходится дѣлать требованіямъ рабочихъ; для правительства въ виду его роли, какъ защитника капиталистовъ и въ виду интересовъ самодержавнаго правленія, т. е. господства беззаконія и произвола, которому всякія движенія „снизу“ всегда грозятъ опасностью.

Вотъ почему рабочіе, защищающіе свои интересы, возстающіе противъ хозяйской эксплуатаціи, становятся государственными преступниками. Вотъ почему „экономическій мотивъ“ дѣлаетъ безпорядки особенно тяжкимъ преступленіемъ, ставитъ ихъ въ разрядъ самыхъ тяжкихъ съ точки зрѣнія русскаго закона—въ разрядъ государственныхъ, политическихъ преступленій.

Таковы тѣ особыя условія, которыя дѣлали процессъ брянскихъ рабочихъ исключительнымъ. „Экономическій мотивъ“ тяготѣлъ надъ нимъ и этимъ объясняется и то, что на скамьѣ подсудимыхъ сидѣли не тѣ, кто совершали преступленія, а тѣ, надъ кѣмъ долгіе годы совершались преступленія, и то, что истинные преступники явились на судъ лишь въ качествѣ почетныхъ свидѣтелей, и то, что судебное разбирательство меньше всего занималось подсудимыми рабочими и ихъ преступленіями, и то, наконецъ, что въ данномъ случаѣ обстоятельства, обыкновенно смягчающія вину, выставлялись отягощающими ее, слѣдовательно, усиливающими и наказаніе.

Перейдя къ обвиненію каждаго изъ „соучастниковъ“, т. е. тѣхъ, которые *случайно* оказались подсудимыми,—ибо, мы видѣли, на скамью подсудимыхъ попадали только благодаря случайному сплетенію беззаконій предварительнаго слѣдствія,—тов. прокурора отказался отъ обвиненія 22-хъ изъ нихъ, а къ остальнымъ предложилъ примѣнить наказанія, опредѣляемыя закономъ за... поджегъ обитаемаго дома, или за умышленное истребленіе чужого имущества взрывомъ пороха, или за разбой, или за кражу, учиненную во время пожара, — во всякомъ случаѣ, значитъ, лищеніе всѣхъ правъ и ссылка въ Сибирь, а то и каторга...

Изъ рѣчи защитника завода, присяжн. повѣреннаго Лазарева, отмѣтимъ слѣдующее. Отстаивая честь завода, онъ опровергалъ наличность „экономическаго мотива“ въ безпорядкахъ и доказывалъ, что заводоуправленіе заботилось „не только о матеріальныхъ, но и духовныхъ нуждахъ рабочихъ“ и въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ не могло подать никакого повода къ безпорядкамъ. Поэтому,—такъ какъ „экономическаго мотива“въ безпорядкахъ не было—онъ нашелъ невозможнымъ примѣнить къ подсудимымъ тѣ строгія статьи, которыя предлагалъ тов. прокурора. По его мнѣнію, подсудимые просто „расхитители чужого имущества“ и поэтому должны быть обвинены и наказаны какъ таковые, т. е. просто какъ воры!

Можно, значитъ, грабить и угнетать рабочихъ, можно нажи-

вать ихъ трудомъ милліоны, грубой эксплуатаціей вынудить ихъ къ насиліямъ—и затѣмъ, въ видѣ милости, обвинять ихъ только какъ шайку воровъ! Таково правосудіе г.г. россійскихъ фабрикантовъ и ихъ защитниковъ.

На рѣчи товарища прокурора и г. Лазарева отвѣтили защитники рабочихъ. Ниже мы приводимъ почти цѣликомъ самыя интересныя изъ ихъ рѣчей. Всѣ они, какъ и товар. прокурора, также настаивали на „экономическомъ мотивѣ“ безпорядковъ. Но товарищъ прокурора видѣлъ въ этомъ отягощающее вину обстоятельство,—защитники же рабочихъ доказывали, что этотъ мотивъ снимаетъ съ рабочихъ всякую вину. Не можетъ быть рѣчи о наказаніи тамъ, гдѣ преступленіе было вынужденнымъ, гдѣ оно подготовлялось внѣ воли и желанія обвиняемыхъ—вотъ точка зрѣнія защитниковъ рабочихъ.

Но судьи согласились больше съ доводами прокурора. „Сословные представители“—это не та живая общественная совѣсть, которую можно будить аргументами просто человѣческими. Какъ для правительственныхъ представителей—въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ,—для нихъ убѣдительнѣе аргументы правительства и въ этомъ разгадка того, что всѣ рабочіе процессы переданы теперь отъ суда присяжныхъ—суду сословныхъ представителей.

И судьи вынесли приговоръ: семь человѣкъ приговорены къ лишенію всѣхъ личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты на два года; двѣнадцать человѣкъ—на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ съ такимъ же лишеніемъ правъ; 1—на одинъ годъ 6 мѣсяцевъ тюр. заключенія (подсудимая); три—на одинъ годъ тюремнаго заключенія и 1—на 8 мѣсяцевъ. Остальные подсудимые были оправданы.

Заводъ отказался отъ своего иска въ 150,000 р., предъявленнаго имъ къ рабочимъ за причиненные убытки. Всѣ же остальные денежные иски—за исключеніемъ иска 22 мелкихъ лавочниковъ—рѣшено было удовлетворить.

Такъ закончился одинъ изъ актовъ борьбы между трудомъ и капиталомъ на Брянскомъ заводѣ. 500 рабочихъ, высланныхъ на родину, десятки подсудимыхъ, проведшихъ почти два года въ предварительномъ заключеніи, 19 рабочихъ, осужденныхъ въ арестантскія роты, 5 человѣкъ, осужденныхъ къ тюремному заключенію—вотъ жертвы, съ одной стороны. Введеніе страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ неудовлетворительной формѣ, замѣна сторожей черкесовъ сторожами изъ казаковъ и отставныхъ солдатъ—вотъ ничтожныя уступки, съ другой стороны. Таковы непосредственные результаты брянскихъ безпорядковъ, но ихъ значеніе невозможно оцѣнивать съ точки зрѣнія непосредственныхъ результатовъ. Брянскіе безпорядки не были сознательной борьбой съ опре-

дѣленными требованіями, и уже по одному этому трудно было ожидать отъ нихъ практическихъ результатовъ. Это былъ неожиданный, никѣмъ не подготовленный, стихійный взрывъ протеста систематически угнетаемой рабочей массы. При такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, разумны ли были эти безпорядки или неразумны, не можетъ быть вопроса о томъ, выиграли ли рабочіе или потеряли отъ безпорядковъ. Брянское дѣло, подобно молніи, ярко освѣтило то темное царство, въ которомъ цѣлые годы жили рабочіе и въ этомъ одномъ заключается его крупное значеніе. Оно показало, что скрывалось подъ тишью и гладью, которыя такъ долго царили на заводѣ. Безпорядки хорошо дали почувствовать угнетателямъ, какъ опасно довѣряться видимой покорности рабочихъ, дали почувствовать имъ, что они всегда могутъ ждать себѣ расплаты. Брянскій же процессъ разъяснилъ рабочимъ, что ихъ давятъ не только тѣ мастера, съ которыми они непосредственно сталкиваются каждый день, что они находятся подъ гнетомъ цѣлой общественной и государственной системы, части которой тѣсно связаны, какъ зубчатыя колеса одной машины.

Прокуроръ, являющійся блюстителемъ закона, усиленно доказывалъ на судѣ, что безпорядки на заводѣ были вызваны недовольствомъ рабочихъ, ихъ экономическимъ положеніемъ и что поэтому рабочіе совершили очень тяжкое преступленіе. Эта постановка вопроса раскрываетъ намъ общее отношеніе нашей государственной системы къ рабочимъ: какъ бы ни было тяжело положеніе рабочихъ, они лишены права бороться за лучшую долю. Самодержавное правительство присваиваетъ себѣ исключительное право регулировать отношенія между капиталистами и рабочими. Какъ же оно ихъ регулируетъ? Оно вполнѣ терпимо и благосклонно относится къ тому, чтобы „общество“ капиталистовъ вводило на заводѣ „желѣзную дисциплину,“ тюремные порядки, чтобъ оно употребляло насиліе противъ рабочихъ, а во всякомъ сопротивленіи со стороны рабочихъ, даже въ невинной коллективной жалобѣ усматриваетъ самоуправство и беззаконіе. Въ рѣдкихъ случаяхъ оно издаетъ фабричные законы. Но эти законы, чрезвычайно недостаточные, издаются только по совѣщанію съ капиталистами и съ цѣлью умиротворенія рабочихъ. Разъ законъ издается при такихъ условіяхъ, то понятно, что за неисполненіе ихъ капиталисты практически ничѣмъ не отвѣчаютъ. Понимая хорошо духъ нашего самодержавнаго строя, брянская администрація откровенно признавалась на судѣ, что она не примѣняла законовъ о рабочемъ времени, о смѣнахъ, о больничныхъ койкахъ; когда же она рѣшила примѣнить одинъ изъ этихъ законовъ, то она это сдѣлала не изъ страха передъ судебнымъ преслѣдованіемъ, а изъ страха передъ рабочими или выпускомъ прокламацій.

Брянскій процессъ лишній разъ подтвердилъ, что возмути-

тельный произволъ, который царитъ на заводѣ, держится только подъ прикрытіемъ общаго произвола, который царитъ въ Россіи. Главный урокъ, который далъ брянскій процессъ, заключается въ слѣдующемъ: первый шагъ къ освобожденію рабочей массы— это низверженіе самодержавія.

РѢЧИ ЗАЩИТНИКОВЪ.

Рѣчь защитника Н. К. Муравьева.

Вспышка народнаго гнѣва—таково явленіе, которое вотъ уже нѣсколько дней занимаетъ наше вниманіе, г.г. судьи и г.г. сословные представители! Пронесся этотъ вихрь среди безоблачнаго неба или были предвѣстники налетѣвшей бури? Почему именно на Брянскій заводъ и на еврейское населеніе заводского поселка обрушилось негодованіе бушевавшей толпы, отчего на нихъ однихъ сорвали рабочіе свое наболѣвшее сердце и излили гнѣвъ, охватившій ихъ при видѣ трупа убитаго товарища — таковы тѣ вопросы, которыхъ не разрѣшили гражданскіе истцы. Въ условіяхъ жизни рабочаго, какъ всегда, когда заколышется масса, поищемъ ключъ къ событіямъ памятной ночи. Въ такія минуты обнаруживается народное сердце. Обычно спокойная масса теряетъ свою будничную сдержанность и отдается порыву, тѣмъ скрытымъ побужденіямъ, которыя гдѣ-то глубоко тлѣютъ въ ней въ обычное время. Тутъ только мы узнаемъ, кого она любитъ и кого ненавидитъ, гдѣ видитъ своихъ друзей и враговъ. Лишь въ такой моментъ можно убѣдиться, находятъ-ли тѣ жалобы и просьбы, которыя всплываютъ иной разъ на поверхность народной жизни, откликъ въ глубинѣ народной души. Нѣтъ другого критерія, чтобы судить о единичности или не единичности отдѣльныхъ жалобъ, стремленій и проявленій недовольства. Но для незрячаго, для того, кто слѣпъ отъ рожденія, закрыта книга жизни...

Весь жизненный строй заводской жизни пока тѣсно связывается въ нашемъ представленіи съ внѣшнимъ обликомъ самого завода... Передъ нами громадная крѣпость на обширной площади въ нѣсколько десятинъ. Крѣпкія, высокія стѣны, обнесенныя рвомъ. По стѣнамъ — сторожевыя будки, на равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Лица въ какомъ-то странномъ одѣяніи на часахъ. Окрики на незнакомомъ языкѣ. Блескъ кинжаловъ. Ружейные выстрѣлы по ночамъ...

Что за анахронизмъ это явленіе! Гдѣ тотъ врагъ, съ которымъ борется владѣлецъ этого феодальнаго замка? Вѣдь торговля и промышленность давно ужъ стали мирнымъ занятіемъ. Давно уже прошло то время, когда торговецъ долженъ былъ быть всякую минуту готовымъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои товары, а земледѣлецъ перемѣнить свой плугъ на мечъ. Настала эра мирнаго промышленнаго развитія, а передъ нами — община военно-промышленнаго типа... Какъ проникнуть туда, за эти стѣны? Какъ узнать правду про заводскіе порядки, про то, какъ текла жизнь въ заводскихъ стѣнахъ, такъ рѣзко обособлявшихъ заводское населеніе отъ всего окружающаго? За время судебнаго слѣдствія эта трудность сказалась въ достаточной степени. Та же сила, которая создала заводскую крѣпость и сковала желѣзнымъ кольцомъ рабочихъ, та же сила давала себя чувствовать всѣ эти дни здѣсь, на судѣ, пока давали свои показанія свидѣтели. Она до удивительныхъ размѣровъ притупила память многихъ изъ нихъ, толкала ихъ мысль все въ одномъ направленіи, сковывала имъ разсудокъ. Эта сила путемъ давленія связала языкъ людей и благодаря ей изъ устъ взрослыхъ мужей мы слышали безсвязный лепетъ младенца. И наоборотъ, какъ легко и свободно лилась рѣчь ея прислужниковъ и сподвижниковъ! Капиталъ владѣетъ міромъ, царитъ во вселенной, но пусть ему не будетъ мѣста здѣсь, въ залѣ суда, пусть разобьется его мечъ передъ Вашимъ судейскимъ столомъ.

Какіе же способы избралъ для своей защиты представитель Брянскаго завода? Онъ привелъ цѣлый рядъ спеціальныхъ свидѣтелей, говорившихъ, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту завода. Чуть-ли не вся высшая заводская администрація, всѣ его высшіе служащіе, начиная съ помощника директора, начальниковъ цеховъ, завѣдующихъ конторой и др., длинной фалангой прошли передъ нами. Но можно-ли этимъ путемъ выяснить истину? Вѣдь какъ предметъ кажется намъ инымъ съ вершины холма, нежели съ его подножья, какъ нарядна и привлекательна представляется картина съ высоты птичьяго полета, сколько бы ни гнѣздилось въ ней горя и нужды, такъ и положеніе рабочихъ рисуется въ односторонемъ свѣтѣ съ высоты десятичныхъ окладовъ... Разница положеній великая сила, опредѣляющая расхожденіе людей во взглядахъ на вещи. Оттого-то сразу сходятся и начинаютъ понимать другъ

друга люди, живущіе иной разъ на противоположныхъ точкахъ земного шара, а два человѣка, всю жизнь прожившіе бокъ о бокъ, продолжаютъ до могилы не понимать другъ друга, говорить словно на разныхъ языкахъ: такъ расходятся ихъ взгляды, такъ взаимно чужды имъ ихъ настроенія... Отчего же не прислали сюда свободно разсказать о порядкахъ, которые такъ стараются защитить, и представителей многотысячной трудящейся массы, составляющей главную силу завода?..

Въ производствѣ этомъ, весьма субъективномъ и односторонемъ, есть у насъ, къ счастью, матеріалы болѣе объективнаго характера. Они немногочисленны и представляются по настоянію защиты. Но они блестящимъ образомъ опровергаютъ показанія свидѣтелей со стороны завода, каждый разъ какъ соприкасаешься съ ними, а силу и значеніе этихъ сухихъ, но безстрастныхъ цифровыхъ выкладокъ мы оцѣнимъ нѣсколько далѣе.

Итакъ, что же представляетъ изъ себя заводъ? Насъ не обманулъ его внѣшній видъ. Недаромъ отдѣляли его отъ окружающаго міра эти крѣпкія стѣны. Заводъ представлялъ изъ себя самодовлѣющее цѣлое, своего рода восточную деспотію, государство въ государствѣ. Высшая администрація была полновластнымъ законодателемъ и вершителемъ судебъ рабочихъ. Кохъ самъ называлъ себя земскимъ начальникомъ въ своихъ двухъ цехахъ. Функціи Сената отправляла какая-то „инстанція справедливости“. Къ государственнымъ законамъ начальство завода чувствовало весьма понятную при такомъ положеніи ревность. По отношенію къ государственнымъ судамъ рабочее населеніе завода пользовалось незавиднымъ правомъ экстерриторіальности: тотъ, кто не хотѣлъ подчиниться рѣшенію конторской расправы, пріобрѣталъ фактически ничтожное право обратиться въ Петербургскій судъ по мѣсту нахожденія правленія завода—иски въ мѣстномъ судѣ встрѣчались съ неизмѣннымъ отводомъ. Какъ недружелюбно былъ встрѣченъ заводомъ хотя бы, напр., законъ 2 Іюня 1897 г.! Наступило 1 января 1898 года—администрація и не думаетъ о его примѣненіи. Директоръ оправдывался потомъ тѣмъ, что былъ въ отсутствіи, его помощникъ заявилъ, что законъ этотъ не былъ еще имъ объявленъ. Заводъ хотѣлъ занять своеобразное, привилегированное положеніе и не признавалъ тѣхъ законовъ, о которыхъ спеціально не доведено до его свѣдѣнія. Законъ введенъ лишь послѣ того, какъ этого потребовала прокламація отъ имени трехъ цеховъ. Точно также было упразднено требованіе новаго закона о 4 свободн. дняхъ въ мѣсяцъ для рабочихъ, занятыхъ въ непрерывныхъ производствахъ. Когда къ администраціи явилась часть доменнаго цеха, чтобы переговорить объ этомъ отдыхѣ, а кстати, и о 8-часов. рабоч. днѣ, имъ отказали оплачивать эти 4 дня и рабочіе „согласились“ не исполнять законъ, чтобы не терять 4-дневнаго заработка. Администрація потомъ ссылалась на

это „соглашеніе“, оправдывая имъ отмѣну этого требованія закона. Подобно средневѣковымъ феодаламъ, администрація, вынужденная повиноваться, дѣлала видъ, что повинуется добровольно, порой ставя себѣ это повиновеніе въ великую заслугу. Обязанный по закону имѣть для рабочихъ безплатную больницу изъ разсчета по 10 кроватей на каждую тысячу рабоч., помощн. директора считаетъ это большимъ благодѣяніемъ со стороны завода: по его мнѣнію заводъ обязанъ лѣчить только увѣчныхъ.

Но что же давала рабочему эта самодовлѣющая, стремящаяся къ самостоятельности и обособленности отъ государства деспотія? Какую нравственную атмосферу создала она около трудящейся массы и каково было матеріальное положеніе труда?

Въ этомъ отношеніи характерны показанія завѣдующаго желѣзопрокатными пудлинговыми цехами инженера Коха, на попеченіе котораго отдана была едва-ли не третья часть всего заводского населенія. Его взглядъ на людей и отношеніе къ рабочимъ поистинѣ ужасны, также какъ и отношеніе къ рабочимъ остальной администраціи. „Кровь и огонь всегда пріятно видѣть человѣку, замѣчаетъ по поводу событій $^{23}/_{30}$ мая этотъ свидѣтель, одинъ изъ главныхъ администраторовъ завода, человѣкъ человѣку волкъ“—къ этому сводятся всѣ его взгляды! „Чтобы справиться съ этими разбойниками, говоритъ онъ про рабочихъ своихъ цеховъ, я ввелъ у себя желѣзную дисциплину. Необходимо было пріучить рабочихъ къ тому, чтобы они не смѣли и дышать безъ дозволенія, продолжаетъ онъ далѣе. Для этого иной разъ приходилось по звѣрски расправляться съ ними“. Таковы теоритическіе взгляды свидѣтеля, таковы тѣ тактическіе пріемы, которыхъ держался этотъ мрачный фанатикъ. Слѣпымъ послѣдователемъ Коха былъ, повидимому, и завѣдующій рельсопрокатнымъ цехомъ инженеръ Дробный. Едва-ли только сумѣлъ съ полной послѣдовательностью провести систему Коха этотъ свидѣтель, въ общемъ блѣдная копія съ оригинала. Завѣдующими другихъ цеховъ были иностранцы: у всѣхъ еще свѣжъ въ памяти своеобразный поединокъ двухъ начальниковъ цеховъ Касюкова и Коха, когда изъ устъ послѣдняго полился цѣлый рядъ звучныхъ именъ—гражданъ всѣхъ рѣшительно государствъ Западной Европы. Отношеніе же иностранцевъ къ русскимъ рабочимъ считаютъ грубымъ пренебреженіемъ даже такіе свидѣтели, какъ Кохъ и Дробный. Непонятно только, что значитъ на языкѣ этихъ свидѣтелей та гипертрофія чувствительности, о которой говоритъ свидѣтель Кохъ, какъ о новомъ явленіи среди рабочихъ за послѣднее время. Не было-ли это зарожденіемъ рабочаго протеста во имя правъ человѣческой личности, среди этой ужасной обстановки, болѣе свойственной дисциплинарнымъ частямъ войскъ, нежели мирному сотрудничеству людей на почвѣ свободнаго договора? Но за то вполнѣ понятна и гармонируетъ съ общимъ настроеніемъ заключительная фраза

Коха: „трудно было найти такого человѣка, кто бы рѣшился выразить неудовольствіе—это было небезопасно“. А между тѣмъ на отсутствіи этихъ выраженій неудовольствія зиждется главнымъ образомъ та апологія заводскихъ порядковъ, которую мы слышали изъ устъ гражданскаго истца, повѣреннаго Брянскаго завода. Не было требованія,—значитъ, все обстояло благополучно въ заводской жизни. Рабочіе соглашались работать за пониженную плату въ пудлинговомъ цехѣ, отказались отъ обязательнаго по закону 4-дневнаго ежемѣсячнаго отдыха, — значитъ, такова была ихъ добрая воля, такъ находили для себя выгоднымъ—аргументировалъ защитникъ завода. Мнѣ кажется, г.г. судьи, общій режимъ заводской жизни подчеркиваетъ несостоятельность такой аргументаціи. Но было и недовольство, прислушивались къ нему раньше, за послѣднее же время, по свидѣтельству Коха, стали относиться къ нему крайне небрежно. То единоличность этихъ жалобъ, то ихъ коллективный, а потому и преступный характеръ, какъ кажется, служили поперемѣнно благовиднымъ предлогомъ для того, чтобы не обращать на всѣ эти жалобы никакого вниманія. Можно себѣ представить, какъ деморализировалъ такой порядокъ какъ начальство, такъ и подчиненныхъ. Начальство заднимъ числомъ подписывало циркуляры къ рабочимъ, чтобы не обнаруживать, что циркуляры эти являются уступкой требованіямъ, изложеннымъ въ прокламаціяхъ. Такъ было съ закономъ 2 іюня. Среди рабочихъ было развито взяточничество, потому что за взятку десятнику или мастеру каждый могъ добиться для себя возможности получить болѣе выгодное, а главное, болѣе безопасное мѣсто, — обстоятельство, игравшее, какъ увидимъ ниже, немаловажную роль въ жизни завода: „Къ сожалѣнію, среди рабочихъ былъ очень развитъ обычай подношеній“, такъ, выбирая мягкія выраженія, говоритъ объ этомъ отвратительномъ явленіи одинъ изъ свидѣтелей.

Для характеристики матеріальнаго положенія рабочихъ въ дѣлѣ есть нѣкоторые цифровые матеріалы, и какъ быстро разрушаютъ они однимъ ударомъ всѣ усилія свидѣтелей въ этомъ направленіи! Я обойду молчаніемъ заработокъ пудлинговаго цеха, который все-таки понизился съ введеніемъ 3-хсмѣнной работы. Не буду говорить о лучшемъ положеніи мастеровыхъ иностранцевъ съ ихъ учетверенными окладами, а перейду скорѣе къ общему заработку рабочихъ и къ вопросу о томъ, какъ разсчитывался заводъ за увѣчье. При 2.369.981,2 р. ежегодной заработной платы, уплачиваемыхъ заводомъ 7.000 рабочимъ, средній ежемѣсячный заработокъ составляетъ 26 р., тогда какъ помощн. директора Внуковскій опредѣляетъ его въ размѣрѣ 50 р. При первомъ столкновеніи показаній свидѣтелей съ объективными данными, показанія эти разсѣиваются, какъ дымъ. Количество увѣчныхъ на заводѣ поражаетъ своимъ колоссальнымъ размѣромъ. Изъ боль-

ничныхъ отчетовъ, которые представлены по моему настоянію, видно, что на 7.000 раб. въ 1899 г. было 2.836 случаевъ поврежденій (40% ко всей массѣ рабоч.), изъ которыхъ въ 1044 случаяхъ (15% ко всей массѣ) послѣдовала временная или постоянная неспособность къ работѣ. Слѣдовательно, въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ перекалѣчена вся масса рабочихъ. По оффиціальному же сборнику, основанному на донесеніяхъ окружн. инспекторовъ, та же цифра для горнозаводской промышленности Россіи составляетъ всего лишь 2%. Такимъ образомъ, рабочіе Брянскаго завода, получая заработокъ гораздо ниже средняго, рискуютъ здѣсь неизмѣримо въ большей степени своей жизнью и своимъ здоровьемъ. Все вознагражденіе завода за смерть и увѣчье рабочихъ въ 99 г. равняется 23.000 р. за 1044 случая, ограниченные частичной или полной нетрудоспособностью (сюда же вознагражденіе за смерть кормильца) т. е. въ среднемъ 22 р. за каждый случай. За смертные случаи было выдано за 1—35 р., 1—1250 и за 6 по 1.000 р. Предположимъ, что 1.000 р. выдано за смерть простого рабочаго, получающаго минимальн. заработ. 300 р. въ годъ, найдемъ, что по суду семьѣ умершаго было бы присуждено (сумма иска по 10 л. сложности 3.000) не менѣе 2.000 р. Слѣдовательно, если бы семья умершаго имѣла возможность обратиться къ суду, то она получила бы не менѣе 2.000 р., а слѣдоват., заводомъ выдано вдвое менѣе того, что было бы присуждено судомъ по самому скромному разсчету.

Таковы условія, въ которыхъ держалъ рабочихъ Брянскій заводъ. Эти условія фатально опредѣлили разрушительныя стремленія толпы, когда она, какъ раненый звѣрь, стала метаться во всѣ стороны, изступленная видомъ трупа звѣрски убитаго товарища. И вотъ, теперь эти люди предстали не передъ судомъ конторской расправы и „инстанціи справедливости", а передъ судомъ государственнымъ, отъ котораго не ускользнутъ ихъ страданія и который отнесется къ нимъ со всей глубиной человѣческаго милосердія.

Далѣе защитникъ перешелъ къ разбору уликъ противъ отдѣльн. подсудимыхъ и просилъ полнаго ихъ оправданія.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго А. М. Александрова.

Г. г. судьи, и сословные представители!

Дѣло, о которомъ предстоитъ Вамъ нынѣ произнести свое окончательное и авторитетное сужденіе, представляется во многихъ отношеніяхъ незауряднымъ. Оно незаурядно уже съ технической, процессуальной стороны, такъ какъ подавляетъ количествомъ лицъ, участвующихъ въ процессѣ. Но еще болѣе незауряднымъ его дѣлаетъ свойство личностей подсудимыхъ.

Вамъ, г.г. судьи, хорошо извѣстно, что привлеченными завсегдатаями скамьи подсудимыхъ въ большинствѣ случаевъ бываютъ дѣйствительно порочные люди и порочные не только въ уголовно наказуемомъ смыслѣ, но и съ точки зрѣнія элементарныхъ правилъ житейской морали. Нынѣ ее занимаютъ совсѣмъ иного рода люди... Это не тотъ порочный элементъ, для котораго государствомъ пріуготовлена тюрьма и ссылка и который состоитъ во всегдашней борьбѣ съ уголовнымъ закономъ. Не убійцы это, не воры, не профессіональные расхитители чужого добра, — это работники, это труженики, въ потѣ лица добывающіе хлѣбъ, это создатели національнаго богатства и двигатели молодой южно-русской индустріи...

Казалось бы, это безспорно; однако обстоятельство это подвергалось сомнѣнію и существовало мнѣніе, огульно и безапелляціонно приписавшее личностямъ подсудимыхъ такія свойства, которыхъ они никогда не имѣли... Для меня понятна психическая основа такого сужденія: зарево пожара, освѣтившаго настоящее дѣло при самомъ его возникновеніи, отдаленные крики и рокотъ волнующейся толпы, непривычное движеніе полиціи и войскъ,—все это вмѣстѣ взятое возбуждало страхъ, дѣйствовало на воображеніе и убивало критическое чутье... Если же къ этому допустить существованіе людей, которымъ могло быть небезъинтересно представить подсудимыхъ въ наименѣе выгодномъ для нихъ свѣтѣ, то происхожденіе этого мнѣнія будетъ совершенно понятно. Нынѣ окончился періодъ легендъ, и судебная истина возстановила событія въ томъ видѣ, какъ они дѣйствительно происходили, и теперь и намъ защитникамъ, и Вамъ, г.г. судьи и сословные представители, и общественному правопорядку, въ интересахъ и для пользы котораго Вы отправляете священное дѣло правосудія, — всѣмъ намъ ясно, что дыма безъ огня не бываетъ и что по общему закону причинности и печальнымъ событіямъ 29 мая предшествовали не менѣе грустныя обстоятельства, роковымъ образомъ обратившія свободныхъ гражданъ и честныхъ людей въ подсудимыхъ по настоящему дѣлу.

Въ чемъ же провинились эти люди передъ закономъ и обществомъ и какое чувство руководило участниками безпорядковъ 29-го мая? Національная ненависть, племенная вражда, отвѣчаетъ обвинительный актъ, цитируя соотвѣтствующую статью закона... Ненависть—вотъ тотъ преступный ядъ, который разлитъ былъ въ сердцахъ этихъ людей. Они ненавидѣли черкесовъ и питали вражду къ евреямъ. Доброжелательный по природѣ, русскій народъ отличается самой широкой терпимостью. По особенностямъ своего историческаго существованія ему болѣе, чѣмъ какому-либо другому народу приходилось встрѣчать на своемъ пути иноплеменниковъ и онъ меньше, чѣмъ какой-либо другой народъ враждовалъ съ ними и ненавидѣлъ ихъ. И вотъ теперь здѣсь на

судѣ небольшую часть этого народа обвиняютъ въ безцѣльномъ и безпричинномъ человѣконенавистничествѣ къ черкесамъ и евреямъ. Я не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Однако, скажутъ мнѣ, вѣдь разбиты же 24 еврейскія лавки, значитъ, была ненависть, была вражда, были же чувства, руководившія толпой и устремлявшія ее на опредѣленный предметъ? Да, чувства были, но были-ли это чувства національной и племенной вражды? Вѣдь наряду съ еврейскими лавками пострадали акцизное и телеграфное общества, разбита потребительская лавка, а уже къ этимъ-то учрежденіямъ возбужденная толпа не могла имѣть племенной и религіозной вражды.

Однако, какія обстоятельства предшествовали взрыву народныхъ страстей? Если Вы спросите объ этомъ дирекцію и послушаете представителя гражданскаго истца, то Вы увидите, что никакихъ такихъ обстоятельствъ не было и все обстояло благополучно.„ И если съ внѣшней стороны заводъ представлялъ вооруженную крѣпость, охраняемую сторожевыми постами, такъ вѣдь это было сдѣлано, какъ кто-то выразился тутъ, „отъ внѣшнихъ искусителей,“ съ внутренней же, когда приходилось слышать о національной и племенной враждѣ, недоумѣвали... Не думаю, чтобы возможно было существованіе вражды, основанной только на фактѣ принадлежности людей къ различнымъ народностямъ. Если бы племенная и національная вражда была дѣйствительно коренным свойствомъ людей, то немыслимо было бы мирное существованіе французовъ, нѣмцевъ и итальянцевъ въ Швейцаріи и еще большаго конгломерата народностей въ великой заатлантической республикѣ. Нельзя ненавидѣть цѣлую народность, такъ какъ среди каждой націи вы встрѣтите разнобразіе человѣческихъ характеровъ, сочетаніе добродѣтелей и пороковъ... Правда, существовали періоды человѣческой исторіи, когда человѣкъ чуждаго племени былъ синонимомъ врага. Такъ относился дикарь къ иноплеменнику, скальпируя его черепъ; холоднымъ молчаніемъ и презрѣніемъ проникнуты были и отношенія холоднаго римлянина къ иностранцу, но среди современной культурной Европы вы уже не встрѣтите подобной вражды и, если въ Европѣ еще и враждуютъ, то не народы, а государства, а среди отдѣльныхъ государствъ не народности, а политическія партіи и общественные классы, и если вражда эта происходитъ иногда подъ флагомъ націонализма, то вѣдь это не болѣе, не менѣе, какъ бутафорскія побрякушки... Еще съ меньшимъ основаніемъ можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ племенной враждѣ простому русскому человѣку, терпѣливому, уступчивому.

И со стороны заводская жизнь представляла картину самой мирной идилліи. Дирекція любила рабочихъ, рабочіе любили дирекцію и всѣ любили другъ друга. Однимъ словомъ, озаренные свѣтомъ любви и заревомъ доменныхъ печей,—капиталъ и трудъ

мирно сожительствовали... Для болѣзней тѣла—рабочимъ устроена была больница, потребности души находили удовлетвореніе въ аудиторіи; въ этой же аудиторіи дѣтямъ рабочихъ устраивали елки, одаривали ихъ пряниками, конфектами... Правда, случались иногда недоразумѣнія, но вѣдь безъ этого же нельзя, да наконецъ надоразумѣнія эти не нарушали общей гармоніи, а лишь подчеркивали эту мирную идиллію. Былъ напр. на Брянскомъ заводѣ начальникъ дворового цеха, старшій дозорный Иванъ Петровъ, по словамъ директора, человѣкъ не совсѣмъ интеллигентный и не безъ слабостей: у него вѣчно чесались руки и столкновеніе съ нимъ для рабочаго было небезопасно; но эта слабость не велика и она обращается въ достоинство, если вспомнить, что вѣдь это былъ главный дозорный Брянскаго завода. Были еще, по словамъ дирекціи, мелкія недоразумѣнія, но случаи ихъ возникновенія благополучно разрѣшались въ особомъ присутствіи, въ „инстанціи справедливости“. Да, вотъ и „инстанція справедливости“ была, а безпорядки все-таки случились...

Да отчего же, наконецъ, вправѣ-ли мы спросить дирекцію? Вѣдь убійство рабочаго черкесомъ было лишь поводомъ, послѣднимъ звеномъ въ ходѣ событій, не причиной ихъ? Была и причина, отвѣчаетъ дирекція. Въ послѣдніе два-три года среди рабочихъ появились прокламаціи тайнаго рабочаго союза, вызывавшія у нихъ, по выраженію свидѣтеля Коха, „гипертрофію чувствительности“. Ну, вотъ эти-то прокламаціи, да еще въ связи съ гипертрофіей и могли вызвать, по мнѣнію дирекціи, поджоги и грабежи. Однако, это невѣрно уже съ фактической стороны и невѣрно потому, что, по словамъ свидѣтеля, если не ошибаюсь, Свидерскаго, бывшаго полицеймейстера г. Екатеринослава, въ содержаніи этихъ прокламацій не было призыва къ грабежамъ и насиліямъ; наоборотъ, рабочіе приглашались къ мирному образу дѣйствій. Да, наконецъ, при чемъ тутъ эти прокламціи, если на заводѣ и такъ не все обстояло благополучно? Послушайте свидѣтелей инженеровъ Дробнаго и Коха—и пресловутая идиллія Брянскаго завода не только потускнѣетъ до неузнаваемости, но на ней появятся кляксы. Товарищъ мой г. Муравьевъ уже говорилъ объ этихъ кляксахъ краснорѣчиво и подробно. Я же остановлю Ваше вниманіе, гг. судьи, только на одномъ обстоятельствѣ. Оно въ связи съ прочими могло обусловить и дѣйствительно обусловливало событія 29 мая.

На Брянскомъ заводѣ существуетъ дозорный цехъ; начальникомъ этого цеха былъ Петровъ, фигура въ своемъ родѣ очень интересная: это тотъ самый Павелъ Петровъ, о которомъ Палата въ теченіе судебнаго слѣдствія слышала нѣсколько разъ и у котораго, какъ я уже объяснялъ, вѣчно чесались руки. Кохъ говорилъ, что онъ былъ необыкновенно грубъ и дерзокъ: колотилъ рабочихъ и дрался плетью. Нѣсколько разъ рабочіе обращались къ

дирекціи съ просьбой убрать съ завода этого насильника, но дирекція безмолвствовала. Намъ говорятъ, что просьбъ объ увольненіи Петрова не было, т. е. что не было прямыхъ обращеній къ заводскому начальству; но если не было этихъ просьбъ, то недовольство Петровымъ чувствовалось въ окружающемъ воздухѣ. Недовольствомъ пропитана была каждая заводская скважина. Да, наконецъ, можно-ли было жаловаться? Вѣдь единоличныя жалобы на сильнаго человѣка рискованы, а коллективныя—невозможны. Вы понимаете, г.г. судьи, что такому человѣку, какимъ былъ Петровъ, не легко было подыскать подходящій ансамбль, и дѣйствительно, въ предѣлахъ Европ. Россіи такого ансамбля не нашлось. Пришлось обратиться въ страны менѣе культурныя; и вотъ подходящіе люди извлечены были изъ нѣдръ Кавказа и во всеоруженіи кинжаловъ, револьверовъ и первобытной дикости торжественно водворены на Брянскомъ заводѣ, въ количествѣ, по однимъ свѣденіямъ, 8, а по показаніямъ другихъ свидѣтелей, 80 человѣкъ; нѣкоторые изъ дикарей ни слова не говорили по русски, но вѣдь этого для завода и не требовалось. Ему нужны были сильные мускулы и энергичный образъ дѣйствій, ну, а этими качествами полудикіе сыны Кавказа обладали въ большей, чѣмъ нужно степени...

Гражданскій истецъ говоритъ намъ, что это не были черкесы; это были осетины. Да вѣдь дѣло не въ томъ, кто они были,— черкесы, осетины, калмыки или выходцы изъ Новой Каледоніи, а въ томъ, что это были полудикіе люди! Три года владычествовали эти дикари на Брянскомъ заводѣ, три года рабочіе неустанно просили убрать ихъ; но дирекція безмолвствовала. Казалось, не нужно было быть особенно глубокомысленнымъ администраторомъ, чтобы предвидѣть гибельныя послѣдствія этого недовольства. Но администрація бездѣйствовала, проявивъ въ этомъ отношеніи удивительное легкомысліе. Малѣйшій поводъ, малѣйшій толчокъ могъ повести къ столкновенію, и такой поводъ явился: 29 мая 1898 г. на глазахъ толпы былъ убитъ кинжаломъ въ грудь, въ присутствіи родного брата, рабочій Кутилинъ. Негодованіе, злоба, мстительное чувство возмездія охватило рабочую массу и печальныя событія начались. Теперь этихъ черкесовъ нѣтъ, но дорогой цѣной куплено ихъ отсутствіе, цѣной человѣческой крови безвременно погибшаго Кутилина, цѣною свободы 73 человѣкъ, сидящихъ передъ Вами на скамьѣ подсудимыхъ.

Я не буду касаться другихъ порядковъ на Брянскомъ заводѣ, они подробно изложены въ рѣчи моего товарища г. Муравьева, я лишь вкратцѣ коснусь еще отношеній рабочаго населенія къ мелкимъ лавочникамъ, окружающимъ Брянскій заводъ. Тутъ также не было національной и племенной вражды, но тутъ также нѣкоторыми представителями коммерціи было сдѣлано все, чтобы подготовить почву для недовольства. Изъ показаній инженеровъ

и другихъ свидѣтелей выяснилось, что нѣкоторые изъ потерпѣвшихъ, явившихся сюда съ гражданскими исками, не только торговали, но и кредитовали по высокимъ процентамъ. Мало того, они укрывали краденное и организовывали шайки для кражи. Да, выслушавъ о нихъ отъ Попкова, мы имѣемъ право сказать, что одной рукой они открывали кредитъ изъ 30% въ мѣсяцъ, другой обмѣривали и обвѣшивали и уже обѣими руками толкали эту безпросвѣтную, несчастную голытьбу на стезю порока и преступленія. Эти отъ ошенія къ рабочему люду могли создать мотивъ къ разрушенію еврейскихъ домовъ, а разъ разрушеніе началось, расходившаяся и озвѣрѣвшая толпа уже не разбирала ничего: логика утрачивалась, страсти разгорались и событія катились клубкомъ... У толпы былъ виноватъ тотъ, кто попадался ей подъ руку, и если бы на пути ея разрушительнаго шествія вмѣстѣ съ 20 еврейскими лавками попались армянскія харчевни, русскіе кабаки, то участь ихъ была бы одинакова.

Сопоставьте же, г.г. судьи, эти два типа людей, сопоставьте нравственный обликъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лавочниковъ съ сидящими передъ Вами на скамьѣ подсудимыхъ—и Вы, быть можетъ, согласитесь со мной, что люди эти могли бы совершенно свободно помѣняться мѣстами... А между тѣмъ въ силу обстоятельствъ, значеніе которыхъ предстоитъ Вамъ опредѣлить въ своемъ приговорѣ, рабочіе попали въ тюрьму, а тѣ, тѣ остались на свободѣ и еще долго будутъ торговать табакомъ, бубликами и своею совѣстью...

Далѣе защитникъ перешелъ къ разбору уликъ противъ отдѣльныхъ обвиняемыхъ.

Рѣчь В. А. Маклакова.

Мои товарищи, г.г. судьи, описали тѣ нормальныя условія, въ которыхъ задолго до погрома жилъ брянскій рабочій. Особенность этого дѣла такова, что въ этихъ условіяхъ дѣйствительно лежитъ не только драматическій, но и главный интересъ этого дѣла. О немъ говорятъ первыя строки обвинительнаго акта, съ нихъ началъ свою рѣчь прокуроръ, ради нихъ пришелъ сюда гражданскій истецъ, ихъ не замолчитъ и защита.

Но я буду считать этотъ вопросъ исчерпаннымъ и перейду прямо къ событію, которое такъ неожиданно, среди общаго довольства и счастья, разразилось надъ Брянскимъ заводомъ. Вѣдь какъ это ни странно, но даже теперь, даже послѣ погрома, послѣ судебнаго слѣдствія, хозяева завода и ихъ представители все-таки думаютъ, что у нихъ на заводѣ всѣ были довольны и счастливы. Я не буду спорить противъ этой счастливой увѣренности, — это

сдѣлано раньше меня. Но я радъ этому гражданскому иску, радъ ихъ заявленію, потому что оно даетъ мѣру того ослѣпленія, того самообмана, въ которыхъ живутъ эти люди, которые управляютъ властно, безконтрольно управляютъ десятью тысячами фабричнаго люда. На Шипкѣ все спокойно, всѣ благоденствуютъ, вотъ что думаютъ теперь, вотъ что думали и тогда. Если люди такъ смотрятъ на вещи, такъ понимаютъ другихъ, то нельзя удивляться, что ихъ благодушіе, ихъ спокойствіе прерывается такими разгромами, какъ тотъ, къ которому они привели рабочихъ въ ночь на 30 мая.

Если преступленія отдѣльныхъ лицъ могутъ быть сознательны, но могутъ быть и вполнѣ неожиданны, сдѣланы подъ вліяніемъ минуты, аффекта,—то можно то же сказать и про преступленія, совершенныя цѣлой толпой. И вотъ, конечно, преступленіе 30 мая было именно такимъ преступленіемъ, мгновеннымъ, случайнымъ, вызваннымъ только аффектомъ. Въ дѣлѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній, чтобы это событіе подготовлялось. Тутъ нѣтъ тѣхъ прокламацій, которыя бы на расхватъ читались на фабрикахъ, какъ это было въ Орловскомъ процессѣ; нѣтъ и слуховъ о томъ, что будетъ погромъ ко дню юбилея, какъ это было тамъ же. Люди могли быть недовольны фабрикой, многое у нихъ наболѣло на сердцѣ, почва къ взрыву была подготовлена, но они все же были спокойны, не помышляя ни о какомъ преступленіи. Но вотъ совершилось убійство среди бѣла дня, у всѣхъ на глазахъ. Вѣсть о немъ разнеслась по заводу и собрала около трупа толпу. Что же думала эта толпа, окружая убитаго? Тѣ, кто видѣлъ убійство, быть можетъ, понимали, что убійца здѣсь не при чемъ, что онъ убилъ, защищаясь. Но вѣдь такихъ было немного, народъ сбѣгался отовсюду и про это не слышалъ; онъ видѣлъ трупъ, и зналъ только то, что онъ убитъ осетиномъ. Вы, г. г. судьи, изъ исторіи народныхъ волненій знаете, что такое показанный толпѣ трупъ убитаго человѣка. Вѣдь такой трупъ краснорѣчивѣе всякихъ воззваній, сильнѣе всякихъ словъ и рѣчей. О, какъ мелко, какъ близоруко смотритъ Вноровскій, котораго убѣдили его люди, глядѣвшіе на сцену изъ-за оврага, что какой-то одинъ человѣкъ увлекъ толпу на погромъ! Пока трупъ лежалъ тамъ, за оврагомъ, на глазахъ цѣлой толпы, а заводская администрація, какъ Вноровскій, кончала свой ужинъ и звонила въ телефонъ Губернатору,—этотъ трупъ былъ какъ бы набатомъ, созывавшимъ и возбуждавшимъ народъ. И толпа волновалась. Ее въ этотъ моментъ видѣлъ Свидерскій, который не побоялся туда прибѣжать. Она была разсержена, но только противъ черкесовъ. Наивные люди! Они тогда были еще какъ дѣти, которыя бьютъ игрушку, которая имъ сдѣлала больно. Вѣдь черкесы — это та же машина, которая на заводѣ ежедневно калѣчитъ людей. Вѣдь онъ только слуга завода, онъ поставленъ у воротъ не для парада, кинжалъ ему данъ не для

эффекта—при чемъ же черкесъ? И администрація завода скоро сама имъ раскрыла глаза. Свидерскій, хорошо понимая, что не столько преступленіе, сколько его безнаказанность возмущаетъ людей, старается ихъ успокоить. Онъ увѣряетъ ихъ, что черкесъ будетъ преданъ властямъ, что онъ понесетъ наказаніе. И толпа дѣйствительно успокаивается, но не на долго. Народъ не ждетъ, новые люди приносятъ то же раздраженіе, тѣ же вопросы. Свидерскій, выбиваясь изъ силъ, повторяетъ свои убѣжденія. Но говорить съ возбужденной толпой около трупа—не то, что въ своемъ кабинетѣ. Толпѣ мало однихъ обѣщаній, ей нужно дѣйствій, толпа нетерпѣлива, особенно, если обѣщанія не возбуждаютъ довѣрія. Свидерскій говоритъ, Свидерскій обѣщаетъ, а толпа вспоминаетъ, что и раньше не разъ были жалобы на черкесовъ и клались подъ сукно. Свидерскій успокаиваетъ, а толпа вспоминаетъ, что не разъ черкесы творили насилія, наносили раны, и полиція не составила ни одного протокола. Толпа видитъ наконецъ, что рабочихъ собралась уже сотня около трупа, администраціи нѣтъ никого; Внуковскій говоритъ, что онъ хотѣлъ пройти туда, но его удержалъ Піевъ. Если это правда, то какой случай упустилъ здѣсь Внуковскій всю жизнь вспоминать, какъ онъ предотвратилъ безпорядки! Вѣдь присутствіе его или другого начальства могло бы все успокоить. Толпѣ было нужно это начальство, чтобы излить ему свою злобу, свое горе и жалобы, ей нужно было, чтобы и оно выразило негодованіе на черкеса, выразило свое сожалѣніе, чтобы и оно сняло шапку передъ покойникомъ. Но начальства все нѣтъ, пришелъ одинъ полицеймейстеръ, прибѣгаетъ урядникъ, а тамъ на заводѣ, они могли слушать, что уже звонятъ во всѣ телефоны, призывая войска. Такъ съ толпой поступать невозможно. Конечно, ей показалось, что начальство отнеслось безучастно, что не черкесъ будетъ преданъ правосудію, а она, толпа, будетъ разогнана войскомъ. Когда толпѣ не даютъ правосудія, она сама творитъ самосудъ. И толпа бросилась на черкесскія будки. Съ этой минуты все было кончено.

Только обдуманное, только сознательное преступленіе совершается по опредѣленному плану и оканчивается тамъ, гдѣ оно больше не нужно. Не таково преступленіе, совершаемое по аффекту. Какъ человѣкъ, который подъ вліяніемъ злобы, ревности или гнѣва наноситъ другому смертельный ударъ и затѣмъ, обезумѣвъ, учащаетъ удары, бьетъ уже мертваго, бьетъ и другихъ, а потомъ, очнувшись, самъ не понимаетъ того, что надѣлалъ,—такъ и толпа, начавъ свое дѣло, отуманенная заревомъ, крикомъ и гамомъ, уже не могла удержаться: она несется отъ будки къ заводу, отъ завода къ лавкамъ, бьетъ,грабитъ и жжетъ, опьяняется выпитымъ виномъ, увеличиваясь прибѣжавшими людьми, и кричитъ, и бушуетъ, и неистовствуетъ на свободѣ (ибо вся полиція скрывалась) до тѣхъ поръ, пока не взошло солнце и она при свѣтѣ дня не ужасну-

лась сама тому, что надѣлала и со стыдомъ не разошлась по домамъ.

Преступленіе совершилось; кто же его отрицаетъ? Но когда подымается вопросъ о его „квалификаціи“, на помощь защитѣ приходятъ гражданскіе истцы и доказываютъ, что тутъ нѣтъ ни племенной, ни экономической вражды, что здѣсь простое кабацкое буйство, предусмотрѣнное 38 ст. Уст. о наказ. Спасибо гражданскимъ истцамъ за эту запоздалую помощь, но мы боимся Данайцевъ и дары приносящихъ, они могутъ проявлять свое великодушіе, отрицая виновность по 269 ст., но мы, защитники, не можемъ серьезно за ними послѣдовать. Мы не мжемъ ни для удовольствія гражданскихъ истцовъ, ни для спасенія подсудимыхъ замалчивать мотивы экономической вражды. Какъ бы усердно мы ихъ ни скрывали, они сами, противъ воли выйдутъ наружу. Ихъ невозможно въ этомъ процессѣ скрыть, какъ при всемъ желаніи не могли умолчать про нихъ ни Вноровскій, ни Дробный, ни Кохъ. Далекіе отъ того, чтобы ихъ отрицать, мы въ этихъ самихъ мотивахъ будемъ поэтому искать главнаго повода къ снисхожденію судей.

Конечно, экономическая и племенная вражда несовмѣстимы съ существованіемъ государства и преступленія на этой почвѣ—опасны. Каждое сословіе, каждое племя имѣетъ право на существованіе и можетъ требовать, чтобы его охраняли. Но если не для состава преступленія, то для степени наказанія крайне важно рѣшить, откуда же возникла эта вражда, кто же виноватъ за нее. Развѣ рабочіе дѣйствительно первые начали, развѣ ихъ окружаютъ любовью, заботой и уходомъ, а они, неблагодарные, отвѣтили злобой и ненавистью? Здѣсь довольно говорили про заводъ, я понимаю, что имъ довольны брянскіе акціонеры, получая свой дивидендъ, что имъ доволенъ Вноровскій, ради него оставившій казенную службу, что для него, въ угоду ему позабыли свои показанія и Дробный и Кохъ. О, друзей у завода достаточно, больше, чѣмъ нужно! У него найдутся повсюду и вѣрные слуги и защитники. Но что же сдѣлалъ онъ для рабочаго, для того, чтобы и тотъ понялъ, что капиталъ—это не тѣ „иныя цѣпи“, которыя теперь придуманы для людей, а культурная сила, въ которой и онъ, и рабочій найдетъ свою долю добра? Вѣдь капиталъ даётъ великую власть, но и налагаетъ отвѣтственность. Что же сдѣлалъ зазодъ? Онъ твердилъ про школы, про больницы... Но вѣдь это законъ, это его требованія. А что же изобрѣлъ самъ капиталъ? Вы уже слышали это! Желѣзная дисциплина, „инстанція справедливости“, отводъ неподсудности Екатеринославскому Окружному Суду, черкесы съ кинжалами у воротъ и при семъ томъ поразительная цифра увѣчій и малое за нихъ вознагражденіе.

Но довольно! Когда капиталъ такъ проявляетъ свою силу, то онъ самъ вызываетъ вражду и самъ за нее виноватъ.

А черкесы — откуда вдругъ къ нимъ племенная вр
да? Вѣдь они, хотя и дикій, но честный и хорошій наро
Нашъ русскій мужикъ вражды къ нимъ не чувствуетъ, онъ г
дитъ на нихъ свысока, какъ на орду, какъ на нехристей;
зная исторіи, онъ сознаетъ свою культурную роль на Кавк
знаетъ свое превосходство, но онъ злобы къ нимъ не питае
Но когда этихъ черкесовъ, эту орду ему поставятъ въ начальни
дадутъ имъ право безнаказанно бить по скуламъ, вооруж
кинжалами, чтобы стеречь кусочки желѣза, тогда по-исти
сдѣлано все, чтобы рабочаго озлобить и раздражить. Иностран
съ ихъ высокомѣрнымъ отношеніемъ къ русскому—на главны
должностяхъ по заводу, черкесы съ кулаками и кинжалами
воротъ... Не нужно быть націоналистомъ, не нужно быть сла
нофиломъ, чтобы спросить: Неужели для того, чтобы управл
русскимъ рабочимъ, надо призвать на помощь и Европу и Аз
и Западъ и Востокъ? А евреи? при чемъ же тутъ они, какъ
родъ, какъ племя? Юдофобство есть зло, но какъ бы обрадо
лись юдофобы-теоретики, поглядѣвъ на этотъ процессъ, на т
спектакль, который даютъ здѣсь евреи—гражданскіе истцы. І
которые изъ нихъ, по показнію Попкова и Кузьмина, при посл
ствѣ рабочаго обкрадывали заводъ, съ помощью завода по испо
нительнымъ листамъ обирали рабочихъ, обмѣривали ихъ и
вѣшивали, брали роста по 30 % въ мѣс., устраивали органи
ванныя шайки, которыя грозили, а потомъ той же организов
ной шайкой пришли на процессъ, съ круговою другъ за дру
порукою, предъявивши къ этимъ нищимъ гражданскіе иски,
тятъ изъ самого погрома извлечь выгоду. Удивляться-ли пос
этого, что обозленная, потерявшая равновѣсіе толпа разори
ихъ лавки?

И вотъ мы, защитники, думаемъ, что для того, чтобы проси
Вашего снисхожденія, нѣтъ надобности прибѣгать къ 38 ст. У
о наказ. Вѣдь не нравственная испорченность рабочаго, не з
рыстная зависть, не безтолковая племенная вражда лежатъ
основѣ тѣхъ побужденій, которыя управляли толпой, не о
вызвали вспышку 30 мая, но долгій раздражающій системат
ческій гнетъ... Въ минуту безумья они потеряли голову и п
видѣ убитаго отвѣтили мгновенной вспышкой, страшной ли
потому, что ее совершила масса... Хотя мгновенное, хотя безсозн
тельное, но преступленіе совершилось. По закону виноваты то
ко рабочіе, но нравственная отвѣтственность за преступленіе л
жетъ на тѣхъ, кто безразсудно довелъ ихъ до этого, кто пере
сѣялъ вражду, кто забылъ, что поднявшій мечъ отъ него и п
гибнетъ...

Затѣмъ защитникъ перешелъ къ разбору уликъ противъ
дѣльныхъ подсудимыхъ.